

Письма М. С. Урбановича-Пилецкаго изъ Суздальскаго заточенія.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

М. С. Урбановичъ-Пилецкій—одинъ изъ видныхъ и дѣятельныхъ членовъ кружка Е. Ф. Татариновой. Послѣ разгрома этого „преступнаго“ сообщества въ 1837 году, онъ очутился въ Спасо-Евфиміевомъ Суздальскомъ монастырѣ, куда былъ сосланъ въ заточеніе. Долговременное монастырское заключеніе было для М. С. Пилецкаго, какъ человѣка, привыкшаго вращаться въ высшемъ обществѣ, очень тяжелымъ. Но онъ переносилъ его съ большимъ мужествомъ. Правда, были иногда моменты, когда боль одиночества и сознаніе своей правоты, дѣлали его положеніе особенно мучительнымъ. Но въ такія минуты онъ брался за перо и изливалъ свою душевную горечь и обиду въ письмахъ къ разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ. Всего больше онъ, конечно, писалъ къ графу Н. А. Протасову, бывшему въ это время оберъ-прокуроромъ Св. Синода, обращаясь къ нему главнымъ образомъ какъ къ высшему сановнику духовнаго вѣдомства и только отчасти какъ къ своему бывшему знакомому. Естественно поэтому, что всѣ письма Пилецкаго пріобщались къ канцелярскому „дѣлу“ о немъ, хранящемуся въ настоящее время въ Канцеляріи Оберъ-Прокурора Св. Синода¹⁾.

Письма Пилецкаго интересны прежде всего для характеристики личности самого автора. Въ нихъ онъ выступаетъ какъ истовый мистикъ Александровской эпохи. Религіозный экстазь соединяется въ

¹⁾ № 23759, часть 5-я.

немъ съ стремленіями активной общественности и съ благоговѣйнымъ отношеніемъ къ Особѣ Монарха. Онъ искренно вѣрилъ, что отвлеченныя и возвышенныя начала христіанства, его первыхъ временъ, можно воплотить въ жизнь, построить послѣднюю по образцу перво-христіанской общины, со всѣми ея благодатными дарованіями, возстановить жизнь первыхъ христіанъ. И этой вѣры не могла поколебать въ немъ самая суровая дѣйствительность его собственной жизни. Пилецкій былъ несомнѣнно „мечтатель“, но „мечтатель“ чистый, искренній и глубокій.

Но главное значеніе писемъ Пилецкаго заключается въ томъ, что они содержатъ въ себѣ данныя для выясненія все еще спорнаго вопроса о *существованіи Татариневскаго кружка*: была ли это *христовщина*, или это было что-то иное? Пилецкій довольно подробно говоритъ о воззрѣніяхъ послѣдователей Е. Ф. Татариневой, но совсѣмъ мало касается *тайнъ* ихъ собраній, ихъ культа. Послѣднія онъ изъяснилъ во всеподданнѣйшемъ письмѣ Государю Императору, отправленномъ черезъ гр. Протасова 6 октября 1837 года. Но этого громадной важности документа нѣтъ въ издаваемой нами перепискѣ, и мы не знаемъ, гдѣ онъ находится. Объ этомъ приходится только пожалѣть, а вмѣстѣ съ тѣмъ и выразить искреннее желаніе, чтобы лица, имѣющія возможность отыскать его, поскорѣ сдѣлали бы это.

Изъ культовыхъ особенностей Пилецкій подробно останавливается только на *раднїяхъ*, происходившихъ въ собраніяхъ Татариневскаго Общества. Но при этомъ онъ не *описываетъ* ихъ, а старается выяснять ихъ психо-физиологическую основу, пытается придать имъ характеръ въ извѣстномъ смыслѣ необходимыхъ культовыхъ дѣйствій, тѣсно связанныхъ съ религіознымъ подъемомъ и вдохновеннымъ экстазомъ. Пилецкій сравниваетъ *раднїе* съ православными поклонами, строгими пощеніями, власницами, веригами желѣзными и т. п., и говоритъ, что *раднїя* несомнѣнно имѣли мѣсто въ богослужебныхъ собраніяхъ первыхъ христіанъ. Мысли Пилецкаго о *раднїи* или *ликованїи* и *духовномъ плясанїи* довольно любопытны. Онъ, между прочимъ, спрашиваетъ, почему не находятъ постыдными и вредными *мірскія плясанія* и отчего такъ нетерпимы *Божьи плясанія*?

Наконецъ, письма Пилецкаго представляютъ немалый интересъ еще и въ томъ отношеніи, что въ нихъ заключаются свѣдѣнія о насельникахъ „Суздальской крѣпости“ и ихъ печальной жизни.... Въ этомъ отношеніи письма являются какъ-бы *живою страничкой* изъ

исторіи мрачнаго монастырскаго общежитія. Нѣкоторыя мѣста писемъ нельзя читать безъ особеннаго душевнаго волненія¹⁾.

Письма Пилецкаго читаль и ими пользовался для своего труда²⁾ Н. Ѡ. Дубровинъ. Но онъ касается ихъ поверхностно и бѣгло. Между тѣмъ, они заслуживаютъ несомнѣнно большаго вниманія.

Н. Г. Высоцкій.

Графу Н. А. Протасову.

14 октября № 2725.

Сіятедьнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь.

Почитаю себя счастливымъ, въ моемъ заключеніи, что имѣю возможность свидѣтельствовать Вашему Сіятельству должное мое почтеніе и изъяснить ту любовь, которую я возымѣлъ къ Вамъ, когда видѣлъ Васъ въ С.-Петербургѣ. Архимандритъ здѣшняго Спасо-Евфиміева монастыря, Отець Серафимъ, объявилъ мнѣ, что ему предписано отправлять письма мои къ Вашему Сіятельству, не читая ихъ, и за мою печатью. Пользуясь симъ милостивымъ позволеніемъ, всепокорнѣйше прошу Ваше Сіятельство вручить Его Величеству Всемилоствѣйшему Государю Императору всеподданнѣйше письмо мое, при коемъ приложены *секретныя* свѣдѣнія; чѣмъ изволите оказать мнѣ незабвенное благодѣяніе. Всѣ бывшіе доселѣ распросы и изслѣдованія по предмету духовныхъ собраній Госпожи Татариновой, не могли дать о томъ полнаго, удовлетворительнаго понятія ни Гражданскому Начальству, ни Духовенству, ни Государю Императору. Я изъяснилъ *тайны* сихъ собраній и представилъ ихъ въ полномъ свѣтѣ. За достовѣрность сихъ свѣдѣній ручаюсь неограниченною отвѣтственностью. Лежу у ногъ Монаршихъ и испрашиваю той величайшей милости, чтобы Всемилоствѣйшій Государь Высочайше соизволилъ прочитать все то, о чемъ я имѣю счастье писать къ Его Величеству.

Я полагаю, что почтеннѣйшій Отець Архимандритъ, испытавшій образъ мыслей моихъ касательно Церкви, нашелъ меня совершенно

¹⁾ Наблюденія надъ окружающей средой не разъ давали Пилецкому матеріалъ для цѣлаго ряда проэктовъ по церковно-общественнымъ вопросамъ, которые не потеряли своей остроты и въ настоящее время.

²⁾ „Наши мистики-сектанты“. *Рус. Стар.* 1895 г., октябрь и слѣд.

правовѣрнымъ, ибо всегда я любилъ православную Церковь, не отступалъ отъ Нея, ни отъ св. Евангелія, ни отъ Апостольскихъ Писаній ни въ чемъ, и храню въ сердцѣ моемъ до днесь къ святымъ Ея Таинствамъ и догматамъ глубочайшее уваженіе. На сдѣланный мнѣ вопросъ, согласенъ ли я оставить тотъ образъ моленія и тѣ, несогласные съ Церковію обряды, за которые посланъ я въ монастырь, далъ я словесно обѣщаніе: не употреблять ихъ въ противность Высочайшей воли, ибо, какъ въ этомъ только состояла вина моя, то сего только отъ меня и требовалось.

Я не умолчу однако и предъ Вашимъ Сіятельствомъ, что благодарность моя Господу Богу за всѣ неоцѣненные сокровища, какія получила душа моя отъ словъ Госпожи Татариновой и въ благодатныхъ у нея собраніяхъ, останется навсегда запечатлѣнною въ моемъ сердцѣ. Живыя дѣйствія и вліянія неизреченной любви къ Спасителю нашему Иисусу Христу, которыя я ощущалъ, слушая въ продолженіи двадцати лѣтъ ея словъ и Слово пророчества, заставляють меня рѣшительно и несомнѣнно признать въ ней Духа Иисусъ-Христовъ. Это согласно съ тѣмъ безошибочнымъ признакомъ Духа Божьяго, который даетъ Іоаннъ Богословъ, изъясняя, что всякой *духъ*, исповѣдующій Иисуса Христа пришедшимъ во плоти, есть отъ Бога (1 Іоан. 4, 2). Это подтверждаетъ и самый образъ ея жизни, дѣянія и поступки, особенно же неизмѣнная, всегда дѣятельная любовь ея къ Спасителю и ближнему. Возлюбивъ православіе Грекороссійской Церкви, она присоединилась къ оной, и тотчасъ послѣ того получила даръ святаго пророчества, о которомъ пишетъ св. Ап. Павелъ въ 14-й главѣ перваго посланія къ Коринтянамъ. ибо и оно утѣшаетъ, назидаетъ, и укрѣпляетъ въ вѣрѣ во Иисуса Христа: 1, Кор. 14, 3. Сіе пророческое Слово сіе истинное, *живое изустное Слово Божіе, произносимое Духомъ*, открываетъ тайныя помышленія и желанія сердца (1 Кор. 14, 24. 25 и Евр. 4, 12), даетъ вѣрныя, спасительныя наставленія во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, возвѣщаетъ и будущее, прославляетъ единого Господа Иисуса Христа, вливая любовь къ Нему, и силу соблюдать Его заповѣди (Іоан. 16, 13, 14). Были примѣры, что дѣйствіемъ сего Слова исцѣлялись отъ поврежденія ума и отъ самыхъ смертельныхъ болѣзней. Кто же можетъ произвести такія дѣйствія, если не Господь, Духомъ Своего Слова. Что я говорю чистѣйшую истину, въ томъ свидѣтельствуюсь Богомъ и Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ, который скоро придетъ судить каждаго по дѣламъ (Апок. 20, 11—13). Я свидѣтельствую это *только* о Госпожѣ Татариновой, о ея Духѣ и Словѣ. вмѣстѣ съ тѣми, которые въ союзѣ съ нею. и говорю не отъ

мечтанія или воображенія, не отъ какого-нибудь фанатизма; но въ совершенномъ здравомысліи, внимая истинному свидѣтельству въ сердцѣ и совѣсти моей. Если взять только въ разсужденіе, какія достойныя, по благомыслію, истинному благочестію и приверженности къ Церкви, извѣстныя особы слушали сіе Слово, пророчествуемое въ явленіи Святаго Духа, и почерпали въ Немъ сердечныя утѣшенія: то невозможно не получить къ Нему уваженіе. Неужели всѣ они менѣе могли различать ложь отъ истины, нежели тѣ, которые не слышали сего Слова?—Стоить только разсмотрѣть отобранныя у насъ бумаги, особенно рукописи Тайнаго Совѣтника Попова, и мою рукопись о *Способѣ соединенія Западной Церкви съ Восточною*, и мою печатную книжку о *Скопцахъ*, и о *Послѣдованіи святому Младенчеству Іисусову*; всюду найдутъ только истинное правовѣріе, любовь и приверженность къ Церкви. Самыя иконы, коими украшены комнаты наши, суть свидѣтели сей любви.

Если я вѣрю тому пророческому дару, о которомъ пишетъ св. Апостолъ Павелъ, чтобы съ ревностью желать и искать его, какъ наиполезнѣйшаго для Церкви, и если я нашелъ сей святой даръ, то я могу быть гонимъ за это нѣкоторыми духовными лицами, но не Церковью: ибо Церковь сама испрашиваетъ чадамъ своимъ, чтобы *Утѣшитель пришелъ и вселился въ нихъ*, и чтобы имъ ниспосланъ былъ *даръ Святаго Духа*. Вѣруя сему, какъ не получить сего просямаго Блага отъ Источника щедротъ и милосердія, который обѣщалъ дать Духа Святаго просящимъ у Него. Но таковыя духовныя лица пусть покажутъ тѣ заповѣди Господни, тѣ правила святыхъ Апостоловъ, или святыхъ Отцевъ, по которымъ бы мы не должны быть *тѣрними* за то, что мы, *при совершенномъ правовѣрїи и преданности Церкви*, утѣшаемся по примѣру первыхъ Христіанъ, благодатнымъ Пророческимъ Словомъ, Духъ коего, исповѣдуя Іисуса Христа пришедшимъ во плоти человѣческой, влечетъ къ Нему съ силою любви неизъяснимою.

Такъ-называемое *радѣнье*, состоящее въ кругообразномъ движеніи тѣла, дѣйствіемъ Духа, во время котораго мысль и сердце теряются въ Богъ, употреблялъ я въ собраніяхъ, бывшихъ у Госпожи Татариновой, любя Бога; я находилъ въ томъ пользу для души и для тѣла; ибо и здоровье мое оттого поправилось. Если нѣтъ странности въ поклонахъ, строгихъ пощеніяхъ, власяницахъ, веригахъ желѣзныхъ и т. п., то нѣтъ странности употреблять, любя Бога, и сіе невинное средство, т. е. *радѣнье*. Что странно въ глазахъ человѣческихъ, бываетъ часто прїятнымъ Богу. Это мы видимъ и въ блаженныхъ кород-

ствахъ (1 Кор. 3. 18—20). Видно такія же мнимыя странности были и въ собраніяхъ первыхъ Христіанъ, когда Ап. Павелъ даетъ имъ совѣтъ, чтобы даръ, который онъ называетъ *языки*—т. е. вдохновенныя чувства, выражаемыя Духомъ, безъ словъ, видимымъ дѣйствіемъ, (а это и есть наше *радѣнье*), скрывали они отъ невѣрующихъ и незнающихъ сего дѣйствія Духа, потому, говорить, что они скажутъ, что вы бѣсите сь (выраженіе, которымъ не разъ уже и насъ почтили) (1 Кор. 14, 23).

Итакъ, будучи столько удостовѣренъ, и собственнымъ двадцатилѣтнимъ опытомъ, и всѣми возможными обстоятельствами, что Духъ пророчества Госпожи Татариновой, и соединенныхъ съ нею, есть Духъ Истины, Духъ Святой, обѣщанный за Кровь Христову, Утѣшитель, есть живое явленіе Его во плоти человѣческой (Іоан. 14, 21 и 1 Іоан. 4, 2), есть истинное Свидѣтельство Божіе (1 Кор. 2, 1—4), Свидѣтельство Іисусово (Апок. 19, 20)—свидѣтельствующее намъ *Духомъ, живымъ образомъ*, что Онъ не только вознесся, по воскресеніи Своемъ, на небо, но что Онъ и *въ насъ*,—могу ли я, послѣ сего быть столь дерзновеннымъ, чтобы опорочить сего Утѣшителя, забывъ Слово Господне, что *хула на Святаго Духа не простится ни въ семъ вѣкъ, ни въ будущемъ*.—Слово, которое должно привести въ трепетъ каждаго! (Матѣ. 12, 32).

Я должемъ вѣрить необходимому Крещенію Духомъ Святымъ и огнемъ—обѣщанному изліянію Святаго Духа, въ послѣдніе дни, на всякую плоть, такъ, что оттого будутъ *пророчествовать*, т. е. *говорить Духомъ*; я долженъ вѣрить таинству святой *Пентикостіи*, какъ вѣрю я таинству Божественной *Евхаристіи*: ибо вѣрить сему обязываютъ меня Слова моего Спасителя (Дѣян. 1, 5 и 11, 16 и Дѣян. 2, 1—4, 16—18.)

Изъяснивъ Вашему Сіятельству и мое обѣщаніе исполнить Высочайшую волю, и *чувствованія* мои касательно вышесказаннаго Божіаго Дѣла, осмѣливаюсь просить, чтобы письмо сіе, когда оно приобщено будетъ къ дѣлу, по которому содержусь я въ заключеніи, было соединено съ упомянутою моею рукописью, которая взята съ прочими бумагами Госпожи Татариновой.

За симъ, позвольте, Ваше Сіятельство, испросить для себя еще нѣкоторыя благодѣянія, а именно: чтобы адресуемыя на имя мое бумаги отъ Вашего Сіятельства, и мои къ Вамъ, не были распечатаны.

ваемы и читаны здѣсь никѣмъ; чтобы я могъ, чрезъ письма, получать свѣдѣнія о здоровьи Госпожи Татариновой; чтобы позволено мнѣ было читать „Московскія Вѣдомости“, и чтобы предоставлена была и мнѣ свобода посѣщать изъ здѣшнихъ арестантовъ кого я пожелаю; ибо таковою свободою пользуются всѣ они, кромѣ меня.

Сверхъ сего благоволите, Сіятельныйшій Графъ, употребить милостивое содѣйствіе Ваше, чтобы и мнѣ присланъ былъ денежный окладъ на арестантское мое продовольствіе. Всѣ здѣшніе заключенные имѣютъ таковой окладъ; а я не получаю онаго. Испрашиваемыя мною облегченія не распространять предѣловъ моего заключенія: всѣ я останусь подъ всегдашнимъ бдительнымъ надзоромъ, въ арестантскомъ зданіи, окруженномъ превысокою двойною стѣною, съ древними каменными башнями, въ которой только *одни* ворота, всегда запертыя и охраняемые карауломъ вооруженныхъ солдатъ; къ каковымъ воротамъ приходятъ, изъ постороннихъ людей, къ самой калитки, одни приносители подаваній; окошки же мои заграждены желѣзною рѣшеткою. Если Ваше Сіятельство, по чувству состраданія, соблаговолите употребить благодѣтельныйшее предстательство Ваше, и исходатайствуете мнѣ совершенное прощеніе вины моей, что я, въ противность Высочайшей воли Его Величества, посѣщалъ вышесказанныя молитвенныя собранія: то тѣмъ болѣе долженъ я навсегда пребыть благодарнымъ и возсылать моленія къ Богу о Вашемъ благополучіи.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть, Сіятельныйшій Графъ, Милостивый Государь, Вашего Сіятельства всепокорнѣйшій слуга

Мартынъ Пилецкій.

Городъ Суздаль. Спасо-Евфиміевъ монастырь.
6 Октября 1837.

2.

Ему же.

21 Октября № 2799.

Сіятельныйшій Графъ,

Милостивый Государь.

Имѣвъ случай открыть благодѣтельному сердцу Вашему нужды мой, я остался въ печали, что не изъяснилъ Вамъ, Сіятельныйшій Графъ, одно изъ самыхъ важныхъ моихъ прошеній, которое рѣшился сообщить нынѣ въ семъ особомъ письмѣ. Просьба моя касается до Госпожи Татариновой, и состоитъ въ слѣдующемъ обстоятельствѣ,

Мужъ ея, переименованный изъ Полковниковъ въ Статскіе Совѣтники, по должности его директора Рязанской Губернской Гимназіи, Иванъ Михайловичъ Татариновъ, уволенъ отъ военной службы за ранами, полученными въ сраженіяхъ во Французскую кампанію, особенно же по причинѣ весьма болѣзненной раны въ грудь, въ которой осталась у него пуля. Онъ получалъ ежегодно по 2000 рублей (если не болѣе) пенсіи, Всемилостивѣйше пожалованной ему, не по Уставу о пенсіонахъ, но по особенному Высочайшему вниманію къ службѣ и къ отличнѣмъ дѣйствіямъ его на поляхъ брани. Сія опасная рана, въ продолженіи времени, что онъ находился на службѣ при Гимназіи, совсѣмъ разрушила его здоровье: ибо онъ страдалъ оттого жестокимъ образомъ. Единственно отъ сей пули скончался онъ въ означенной должности, не оставивъ супругѣ своей никакого состоянія. Что онъ дѣйствительно умеръ отъ сей раны, это видно и изъ свидѣтельства пользовавшаго его врача, которое осталось въ бюрѣ (sic) моемъ. въ томъ домѣ, гдѣ я жилъ, находясь въ Петербургѣ: тутъ же и формулярный о службѣ его списокъ.

Сколько ни совѣтовали Госпожѣ Татариновой ея родственники, чтобъ она просила сей пенсіи, но она отлагала это отъ одного года до другаго. Наконецъ согласилась-было, чтобъ я написалъ о томъ просьбу, для чего отдала мнѣ и тѣ подлинныя документы. Но за удаленіемъ насъ изъ столицы, дѣло сіе остановилось.

Обязанность исполнить сіе пріятное для меня порученіе лежитъ на моемъ сердцѣ, и я почитаю себя счастливымъ, что имѣю доступъ обратиться съ покорнѣйшею просьбою моею къ Вашему Сіятельству о исходатайствованіи сей Благодѣтельницамъ моей полнаго пенсіона, которымъ мужъ ея удостоенъ блаженной памяти Государемъ Императоромъ; а сверхъ того и единовременно слѣдуемаго ей жалованья по послѣднему мѣсту его служенія, котораго она также не получала.

Сіятельнѣйшій Графъ! Осчастливьте меня на всю жизнь сямъ, испрашиваемымъ мною, благодѣніемъ. Если сочитать сію пенсію за всѣ годы, со дня смерти мужа ея до нынѣ, то составитъ значительный капиталъ. Господь воздастъ Вашему Сіятельству непременно по Слову Своему (Матѣ. 11, 42). Примите благосклонно, Ваше Сіятельство, присоединенныя къ сему: *затиску* о древней монетѣ, при семъ посылаемой, и *предположеніе*, которое начертала жалость къ многимъ несчастнымъ людямъ духовнаго вѣдомства, находящимся здѣсь въ заключеніи по 10, 20, 30 лѣтъ, и болѣе! Чѣмъ болѣе арестац-

товъ, тѣмъ болѣе получается суммы на ихъ продовольствіе, которая уменьшилась бы чрезъ убыль ихъ.

Въ первомъ письмѣ моемъ къ Вашему Сіятельству просилъ я о назначеніи мнѣ арестантскаго оклада на мое здѣсь продовольствіе; но мнѣ дано сегодня знать, что *вмѣсто того* сдѣлано распоряженіе о переводѣ сюда получаемаго мною пенсіона, котораго однако еще здѣсь нѣтъ.

Какъ бы я былъ обрадованъ, если бы Ваше Сіятельство ошастливили меня благосклоннымъ увѣдомленіемъ, по поводу особенно перваго моего письма, отъ 8-го числа сего мѣсяца, со включеніемъ письма на Высочайшее Имя. Но Отецъ Архимандритъ—*единственный* начальникъ здѣшнихъ заключенныхъ, того, кажется, мнѣнія, что онъ долженъ раскрыть письмо ко мнѣ Вашего Сіятельства, опасаясь, чтобы кто не сдѣлалъ подлога, и не написалъ ко мнѣ подъ Вашимъ именемъ.

Съ чувствами неограниченнаго почтенія и совершенной преданности имѣю честь быть, Сіятељнѣйшій Графъ, Милостивый Государь, Вашего Сіятельства

всепокорнѣйшій слуга Мартынъ Пилецкій.

Суздаль. Спасо-Евфиміевъ монастырь. 15 Окт. 1837.

а.

Городъ Суздаль есть одинъ изъ самыхъ древнѣйшихъ въ Россіи. Основаніе его теряется въ неизвѣстности протекшихъ временъ: знаютъ только, что онъ существуетъ болѣе тысячи лѣтъ. Въ немъ Спасо-Евфиміевъ монастырь, также древень. Онъ особенно примѣчателенъ чудотворными мощами Преподобнаго Евфимія, почивающими въ Церквѣ, и тѣмъ, что здѣсь, по близости сей церкви, погребено тѣло незабвеннаго для Россіи Князя Пожарскаго. Во время предмѣстника теперешняго Архимандрита, былъ, говорятъ, какой-то памятникъ, свидѣтельствовавшій о мѣстѣ погребенія сего знаменитаго мужа: но куда дѣвался тогда—неизвѣстно. Теперъ никто не знаетъ, гдѣ именно его могила.

Спасо-Евфиміевъ монастырь почитается *первымъ* въ Епархіи, по достоинству своему—украшающему и титуло Епархіальнаго Начальника; при всемъ томъ онъ *второкласный*,

Грунтъ земли существующаго при семъ монастырѣ мѣста заключенія, обнесеннаго высокою двойною стѣною съ древними башнями, избилуется согнившими гробами и кирпичнымъ мусоромъ. На поверхности его, и подъ оною, попадаются серебряныя и мѣдныя монеты (въ 100 и 200 лѣтъ), которыя находятъ нечаянно арестанты, прохаживаясь по дорожкамъ, или копая землю на гряды. Одну таковую серебряную, весьма мелкую монету, найденную мною, осмѣливаюсь препроводить при семъ, какъ рѣдкость между отечественными нашими монетами. Надпись на ней: „Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Руси“, и изображеніе на конѣ Св. Побѣдоносца Георгія, видны довольно ясно.

15 Окт. 1837. Монета приложена.

б.

Записка о достойныхъ жалости арестантахъ.

Хотя я и не имѣю свободнаго сношенія съ прочими арестантами здѣшняго Спасо-Евфиміева монастыря: но все-таки доходятъ свѣдѣнія о именахъ содержащихся здѣсь духовнаго званія лицъ, о ихъ лѣтахъ и времени ихъ заключенія; встрѣчаясь другъ съ другомъ на общей прогулкѣ по двору и въ церкви, тутъ цривѣтствуютъ они другъ друга краткимъ разговоромъ. Они попали сюда большею частью за оскорбленіе священной личности своихъ духовныхъ начальниковъ, или за употребленіе горячаго напитка, или за какой-нибудь доносъ, и подобныя проступки, въ коихъ вѣрно они давно уже раскаялись и исправились. Для сего именно и были они первоначально присланы въ сей монастырь. Но какъ въ послѣдствіи при этомъ монастырѣ отстроилось особое (теперешнее) мѣсто заключенія, то и они были переведены въ оное, потому только, что не было для нихъ келій въ самомъ монастырѣ. Съ тѣхъ поръ содержатся они здѣсь и понынѣ, наравнѣ съ прочими арестантами, лѣтъ по 10, 20 и 30! Люди сіи, повидимому, кротки, благоразумны, покаряются судьбинѣ своей въ чаяніи возможнаго своего когда-нибудь освобожденія; нѣкоторые уже очень устарѣли. Уныніе и печаль напечатлѣлись на ихъ лицахъ. Все счастье ихъ зависитъ отъ *одного* Архимандрита, единственнаго здѣсь начальника, который получаетъ на продовольствіе всѣхъ здѣшнихъ заключенныхъ денежныя оклады и держитъ всѣхъ, съ помощью двухъ ундеровъ, (изъ коихъ одинъ (Николаевъ) преданъ пьянству), на арестантской манеръ въ неприступной оградѣ. Чѣмъ болѣе арестантовъ, тѣмъ болѣе общая

сумма сихъ окладовъ, которая уменьшилась бы чрезъ убыль заключенныхъ. Я не имѣю намѣренія предосуждать теперешняго Архимандрита, ибо увѣренъ, что онъ поступаетъ сообразно съ предписаніемъ начальства, и не имѣю никакой законной причины къ тому: но сообщая только Вашему Сіятельству частнымъ образомъ понятіе о состояніи здѣшняго арестанта, и чтобы чрезъ то извѣстно было Вашему Сіятельству, въ какомъ я здѣсь положеніи, дабы не считали, что я пользуюсь здѣсь какимъ-нибудь противъ прочихъ арестантовъ отличіемъ, кромѣ большихъ комнатъ арестантскихъ, отъ сырости и угара въ коихъ у меня каждый день голова болитъ. Но я удалился отъ собственнаго предмета сей записки, и потому возвращаюсь къ достойнымъ жалости арестантамъ.

Проходящаясь въ тѣсныхъ предѣлахъ сего мѣста заключенія, мы встрѣчаемся и кланяемся другъ другу съ чувствомъ взаимнаго состраданія. Видя нѣкоторыхъ старцевъ, невозможно быть равнодушнымъ и не принять сердечнаго участія въ печальной ихъ судьбинѣ. Имена, особенно такихъ, которые привлекаютъ къ себѣ жалкое вниманіе, и которые хотя бы въ преклонныхъ лѣтахъ могли-бы еще порадоваться, видя себя въ свободѣ, суть слѣдующіе: Архимандриты Іоиль и Амфилогій (сей послѣдній содержится еще *только 10 лѣтъ*—человѣкъ не старой и съ большими учебными дарованіями); Протопопъ Гавріиль Лекторскій, священникъ Галактіонъ, Іеромонахъ Іосифъ (содерж. 33 года), бывшій священникъ Василій Петровъ, свящ. Савва, который, находясь здѣсь болѣе 25 л., уже совсѣмъ ослѣпъ.

Есть можетъ быть и другіе, подобные имъ, какъ, наприм., бывшій свящ. Матвѣй Семеновъ и діакопъ Алексѣй Аѳанасьевъ, разлученные съ многочисленными своими семействами. Кромѣ сихъ, находятся между ними нѣсколько заключенныхъ не въ полномъ умѣ, которыхъ однако вельзя еще причислять къ сумасшедшимъ.

Сіятељнѣйшій Графъ! благоволите сами разсмотрѣть *вины* сихъ бѣдныхъ, поименованныхъ мною, арестантовъ. Възвѣсьте на всѣхъ правды проступки ихъ, и такую долговременную ихъ неволю, и Вы ихъ пожалѣете. Всѣ они были нѣкогда пристроены къ мѣстамъ и имѣли пропитаніе, но теперь, послѣ такого многолѣтнаго заключенія, они потеряли всякую возможность снискать себѣ хлѣбъ. И потому, простите великодушно, если сообщая здѣсь благодѣтельному сердцу Вашему мысль въ пользу сихъ измученныхъ людей, а именно: чтобы имъ, по смерть ихъ, производить изъ милосердія—по случаю изнуре-

нія здоровья ихъ отъ непомерно-продолжительнаго заключенія, тѣ оклады, которые производятся на арестантское здѣсь содержаніе (составляющее на каждаго заключеннаго около 160 руб. въ годъ), ибо выпустить ихъ отсюда безъ таковой, или безъ какой-либо помощи, значитъ лишить ихъ всякаго, и послѣдняго даже тюремнаго пріюта.

Если я принимаю столь живое участіе въ злополучіи ближнихъ, съ которыми я никогда не имѣлъ сердечнаго сношенія; то чѣмъ не пожертвовалъ бы я, если бы могъ выпросить свободу и прощеніе для тѣхъ, которые сопряжены со мною любовію Христовою и сосланы заодно со мною. Это истинные чада Божіи и чада Церкви. О себѣ и о нихъ (но много ли насъ?—нѣсколько человѣкъ!) осмѣливаюсь изъяснить Вашему Сіятельству, что мы, впредь до Высочайшаго прощенія, могли бы находиться подъ надзоромъ и въ С.Петербургѣ, каждый въ особомъ мѣстѣ. И тамъ есть монастыри. Тамъ и верховное духовное начальство, которое неукоснительно можетъ получать отъ кого-либо изъ насъ, письменно и даже изустно, отвѣты и объясненія по дѣлу нашему въ случаѣ востребованія оныхъ. И тамъ можемъ мы быть въ такой же разлукѣ, какъ и теперь.

Наконецъ открою Вашему Сіятельству еще одно обстоятельство. Между здѣшними арестантами отыскало сердце мое одного бывшаго Іеромонаха, по имени Досіея. Будучи въ монастырѣ, онъ былъ подверженъ слабости къ женскому полу, которую оставилъ оттого, что живая, внутренняя благодать и Имя Иисусово, Слово жизни, начали сильно дѣйствовать въ его сердцѣ; чего онъ не ощущалъ никогда, даже и въ то время, когда вступилъ въ монашескую жизнь и ревностно продолжалъ оную. Сіи дѣйствія горячей любви къ Господу нашему обладаютъ имъ и нынѣ; часто забываетъ онъ пищу и все на свѣтѣ отъ полноты благодати и отъ избытка радости, соединенной съ любовію Иисусовою, имя Котораго повторяетъ онъ очень живо и трогательно. Изъясняя это, я не увеличиваю. Если бы только Ваше Сіятельство увидѣли его, Вы бы тотчасъ, и по видимости, и по сердцу, полюбили его. Онъ пересталъ быть обыкновеннымъ церковникомъ и наружнымъ монахомъ; онъ выше сего. Онъ изъ крестьянъ, и пишетъ и говоритъ чрезвычайно просто, но глубоко, а притомъ искренно и свободно, и вмѣстѣ пріятно; еще не старъ, малаго роста. Возьмите его отсюда въ Петербургъ, Ваше Сіятельство, и Вы сами это увидите. И тамъ можетъ онъ быть подъ арестомъ, какъ онъ заключенъ здѣсь. Но кромѣ меня онъ здѣсь преслѣдуемъ и презираемъ, менѣе или болѣе, почти всѣми, хотя и ведетъ себя кротко. Теперь такое время, что истинныя чада

Божіи гонимы наружными, устными и обрядными только исповѣдателями Иисуса Христа; потому что живыя дѣйствія благодати и Духа вообще угасли послѣ древнихъ Христіанъ; а нынѣ опять изъясняются у многихъ очень сильно, и обнаруживаются для распространенія живаго, *сердечнаго* познанія Иисуса Христа—ни мало не отвергая Церковнаго Богослуженія. Такихъ людей наружные Христіане не могутъ различить отъ заблуждшихъ.

Не сѣтуйте на меня, Сіятельныйшій Графъ, что я такъ много написалъ и столько можетъ быть наскучилъ Вамъ. Я тороплюсь написать все, что желаю сказать, для того, что опасуюсь запрещенія писать къ Вамъ. Тогда не буду имѣть и сего утѣшенія. Вы одни, которому я имѣю возможность изливать мои чувствованія. Если еще и это будетъ возбранено, то я совершенный невольникъ! Хотя имѣю я позволеніе писать и къ здѣшнему Архіепископу; но я не имѣю ни повода, ни побужденія писать къ нему. Онъ оказалъ мнѣ большое презрѣніе, когда велѣлъ жандарму, привезшему меня во Владиміръ, привести меня къ нему. Едва могъ я на ногахъ стоять, и долженъ былъ часа два слушать его разсужденія... Меня везъ жандармъ съ чрезвычайною скоростью, особенно черезъ всю Москву во всю скачь по мостовой. Народъ обращалъ на меня удивленные глаза; нѣкоторые, указывая, кричали: „вотъ везутъ ссыльнаго“. Самъ жандармъ жаловался, что грудь оттого у него болѣла... Но я долженъ пресѣчь подобныя подробности, которыя отнимутъ напрасно время у Вашего Сіятельства. Прошу только милостиваго снисхожденія Вашего Сіятельства, чтобы сія искренность моя не обратилась мнѣ еще въ бѣльшее несчастіе. Но я ожидаю не этого отъ благородной души Вашей. Прошу простить мнѣ, если я Васъ обезпокоилъ, Сіятельныйшій Графъ, и тѣмъ оканчиваю содержаніе моей Записки о бѣдныхъ заключенныхъ.

Городъ Суздаль. Спасо-Евфиміевъ монастырь.

15 Октября 1832 года.

PS. Хоть побраните меня, Ваше Сіятельство, но я не могу удержатъ желанія своего, сказать Вамъ нѣсколько подробнѣе о бывшемъ Иеромонахѣ Досіеѣвѣ. Главный характеръ души его есть: *любовь и радость Духа*. Осмѣливаюсь послать одну записочку, которую онъ однажды (еще 27 Іюня) написалъ ко мнѣ (тайно) отъ великой любви Господней. Видно, Вы особеннымъ образомъ будете принадлежать Спасителю Нашему и сдѣлаетесь ходатаемъ о принадлежащихъ Ему, что я пишу къ Вамъ съ такою искренностью и притомъ съ увѣренностью, что Вы не обратите мнѣ во вредъ всего того, что изложено мною въ семь

письмѣ. Очень бы желалъ сообщить записочку Досиѣеву и Его Сіятельству князю А. Н. Голицыну. Сердце его всегда принимало участіе въ людяхъ вѣрующихъ. Низко, низко кланяюсь Его Сіятельству. Читая записочку, онъ узнаеть сердцемъ, что это душа, *возлюбившая Господа*— не мимоходомъ только, но существеннымъ образомъ. На другой сторонѣ записочки Досиѣей разсказалъ мнѣ сонъ свой; но просилъ не обращать на это никакого вниманія, потому что этотъ сонъ ничего не значить. Здѣшній Архимандритъ то и дѣло, что запираеть его въ тѣсную камору въ наказаніе, потому что на него клеветцуютъ монахи и тотъ дурной ундеръ, которому нечего *дать* Досиѣю. Онъ говорить не ихъ манеромъ, не ихъ рабскимъ, угнетеннымъ монашескимъ духомъ и не формальнымъ церковникомъ, но языкомъ свободнымъ, живымъ, и радостнымъ исповѣданіемъ тѣхъ милостей Господнихъ, которыя онъ въ себѣ чувствуетъ. Онъ любить быть и пѣть въ церкви, и все, что въ ней поють, и читаемое изъ Евангелія *восхищаетъ* его или углубляетъ его *внутрь себя* до совершеннаго забвенія самого себя и всего прочаго. Тутъ онъ получаетъ иногда и откровенія. Впрочемъ, на немъ не видно никакого юродства, ни даже неприличія, ни особенной видимой набожности. Вотъ какіе у насъ арестанты.

Предположеніе.

Какъ нужны и полезны Губернскіе Прокуроры по Гражданскому вѣдомству, для неусыпнаго наблюденія за точнымъ порядкомъ, законнымъ рѣшеніемъ и неукоснительнымъ теченіемъ дѣлъ, касающихся особенно до подсудимыхъ и арестантовъ: такъ нужны, для такихъ же обязанностей, Прокуроры и по всемѣстному духовному вѣдомству, по которому многіе изъ таковыхъ людей лишены всякой возможности (говоря предположительно) воздвигнуть гласъ свой для объясненія оправдывающихъ или извиняющихъ ихъ обстоятельствъ, завися часто отъ пристрастной личности и отъ произвольныхъ дѣйствій низшихъ производителей дѣлъ консисторіи—оттого, что Епархіальные Начальники, по причинѣ духовныхъ своихъ обязанностей, попеченія о Церкви и Паствѣ, не могутъ имѣть ни времени, ни возможности вникать во всѣ подробности каждаго дѣла и многосложное письменное его производство. Для отвращенія безчисленныхъ ошибокъ и неправильностей, долженствующихъ проистекать отъ сего недостатка, помощь Прокуроровъ и учрежденіе прокурорскихъ дѣлъ въ Епархіи принесли бы великую и самую благотворную пользу. Консисторіи можно бы преобразовать въ *Епархіальныя Правленія*, въ которыхъ присутствовать будутъ тѣ

же Епархіальные Начальники, и тѣ же Члены, и должностныя лица. Но въ Правленіи такомъ должно быть особое Отдѣленіе Прокурорскихъ дѣлъ, какъ въ Губернскомъ.

Епархіальный Прокуроръ долженъ быть снабженъ полною Инструкціею. Онъ подписываетъ согласіе или несогласіе свое на всѣ рѣшенія Епархіальнаго Правленія, съ объясненіемъ причинъ своего несогласія; выслушиваетъ и спрашиваетъ лично всѣхъ просителей по вѣдомству Епархіи; принимаетъ отъ нихъ прошенія и бумаги въ самомъ Правленіи, въ присутствіи Членовъ и Секретаря Правленія, который тотчасъ вноситъ оныя во входящій журналъ и передаетъ Прокурору. Прокуроръ, по внесеніи ихъ въ свой журналъ, дѣлаетъ по онымъ свои доклады, и переноситъ ихъ въ Правленіе для рѣшенія и исполненія по подписаніи журнала.

Епархіальный Прокуроръ посѣщаетъ арестантовъ, принимаетъ всѣ ихъ просьбы, жалобы и объясненія, словесныя и письменныя, вникаетъ въ образъ ихъ содержанія и продовольствія—словомъ во все, что до нихъ касается. Онъ улучшаетъ содержаніе заслуживающихъ сего и принимаетъ мѣры для укрощенія непокорныхъ и нарушителей общаго спокойствія и должной подчиненности. Собравъ основательныя свѣдѣнія о каждомъ заключенномъ, онъ составляетъ вѣдомость, для представленія оной, равно какъ и вѣдомости рѣшеннымъ и нерѣшеннымъ дѣламъ, Г-ну Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Правительствующаго Синода. На разъѣзды Епархіальнаго Прокурора отпускается особая сумма. Епархіальные Прокуроры зависятъ только отъ своего Оберъ-Прокурора, и относятся къ нему непосредственно. Жалоба на Прокурора можетъ быть принесена Правленіемъ въ Синодъ. Прокуроръ имѣетъ штатную Канцелярію.

Тогда епископы и архіепископы будутъ имѣть болѣе времени и возможности заниматься вообще *Церковію*, посѣщать и назидать свои паствы, имѣть неослабное попеченіе объ усердномъ и благочестивомъ исполненіи духовныхъ обязанностей со стороны подчиненныхъ имъ церковно- и священнослужителей, о благосостояніи храмовъ Божіихъ, монастырей и духовныхъ училищъ; будутъ особенно трудиться надъ назиданіемъ и духовнымъ усовершенствованіемъ пастырей и проповѣдниковъ.

15 окт. 1837.

3.

Ему же.

17 Декабря.

Сіятельныйшій Графъ,

Милостивый Государь.

Можете себѣ представить, Ваше Сіятельство, въ *какомъ* я живу здѣсь ожиданіи, хотя одной строчки отъ Вашего Сіятельства о полученіи трехъ моихъ пакетовъ, которые я отправилъ на имя Ваше по объявленному мнѣ позволенію Вашего Сіятельства писать къ Вамъ, когда я пожелаю. Первое письмо отъ 6-го октября заключало въ себѣ особый пакетъ на Высочайшее Имя Государя Императора со всеподданнѣйшимъ моимъ изложеніемъ такихъ важныхъ свѣдѣній, которыя не должны быть читаны никѣмъ инымъ, кромѣ Его Величества. Я страшусь, когда только представляю себѣ, что сей важный пакетъ не дошелъ до рукъ Вашего Сіятельства, и что включенный въ него на Высочайшее Имя также не достигъ своего важнаго назначенія! За свѣдѣнія сіи, кромѣ меня, никто не отвѣтствуетъ; а я увѣренъ, что Его Величеству она не могутъ быть противны, и увѣренъ еще и въ томъ, что Богъ даетъ такое расположеніе мыслямъ и сердцу Его, какое нужно для общаго блага всѣхъ насъ вѣрноподданныхъ Его и каждаго въ особенности. Если же пакетъ сей удержанъ кѣмъ-нибудь *здѣсь*, то я оставляю такой поступокъ на *судъ Божій!* Взмщеть Господь непременно за такую невѣрность!

Второе письмо мое было отъ 16-го и третье отъ 22-го октября. Я спрашивалъ въ нихъ нѣкоторыхъ для себя благодѣяній. А въ этомъ письмѣ прошу еще одного. Нельзя ли, Ваше Сіятельство, даровать мнѣ позволеніе видѣться съ Госпожею Татариновою, (полагая, что она еще въ городѣ Кашинѣ)?—Сами изволите разсудить, можетъ ли отъ такого частнаго свиданія одного человѣка произойти какое-либо и само-малѣйшее подозрительное послѣдствіе. Владимірскій господинъ губернаторъ, посѣтившій на дняхъ сихъ сіе мѣсто заключенія, подалъ мнѣ надежду, что *скоро* дано будетъ предписаніе на полученіе мнѣ здѣсь моего пенсіона! Я его убѣдительно просилъ поспѣшить этимъ, чтобъ я могъ чѣмъ-нибудь улучшить мою пищу, потому что непривычка къ общей арестанской пищѣ приводитъ меня въ изнеможеніе! Позвольте мнѣ употреблять *особую* пищу. Когда я получу мой пенсіонъ, тогда буду въ состояніи облегчить нѣсколько мое содержаніе или продовольствіе.

Ощастливьте меня, Ваше Сіятельство, исполненіемъ моей всепокорнѣйшей просьбы на счетъ свиданія моего съ Госпожею Татариновою,

единственно, чтобы видѣть ее и засвидѣтельствовать ей изустно мое къ ней уваженіе, и удостойте меня лестнымъ для меня увѣдомленіемъ Вашимъ о полученіи или неполученіи вышесказанныхъ пакетовъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и неограниченною преданностію имѣю честь пребыть, Сіятельнѣйшій Графъ, Вашего Сіятельства всепокорнѣйшій

Мартынъ Пилецкій.

Суздаль 10 дек. 1837.

№ 13.

Секретно.

1838-го года февраля 27 дня, я, нижеименованный, даю сію подписку Суздальскаго Спасо-Евфиміева монастыря Господину Настоятелю, Его Высокопреподобію Отцу Архимандриту Серафиму въ томъ, что Указъ Его Императорскаго Величества, воспослѣдовавшій для облегченія строгости моего содержанія, въ коемъ изображена Высочайшая воля о собесѣдованіи моемъ съ духовными лицами по назначенію Его Высокопреподобія отца Серафима, дозволеніи мнѣ читать газеты, произвожденіи мнѣ на столъ по два рубли въ день, сверхъ моей пенсіи, объявленіи мнѣ такового Высочайшаго соизволенія и истребованіи отъ меня въ слышаніи онаго подписки—того же 27-го февраля Его Высокопреподобіемъ мнѣ прочтенъ и мною слышанъ. Отставной Статскій Совѣтникъ и св. Равноапостольнаго князя Владиміра 4-й степени кавалеръ Мартынъ Степановъ сынъ Пилецкій.

4.

Ему же.

1 Іюня № 1936.

Votre Excellence

Monsieur le Comte.

Notre lieu de détention est vidé d'une manière considérable, puisque dans l'espace de quelques semaines nous comptons neuf individus qui ont reçu leur élargissement. Le départ de six prisonniers au même jour, et leurs transports, accompagnés des larmes de joie et de reconnaissance, présentaient un spectacle touchant et solennel. Rien de pareil n'a été encore vû ici. C'était le 12 de Mai, la fête de l'Ascension. On a remarqué que le même jour—c'est-à dire le 12 de Mai, l'année passée, ce lieu fut honoré de la visite du Grand Duc Héritier, de sorte que ces prisonniers, dans leur sortie de ce lieu—condam-

nés qu'ils étaient par l'autorité locale et délivrés par la clémence sans bornes du Monarque—adorèrent une Providence toute particulière, qui finit leur triste sort qu'ils ont subit durant 10, 15, 28 et même 34 ans Dieu sait pourquoi. Nulle doute, que ces pauvres gens ont recouvré leur liberté par l'intercession de Votre Excellence—bienfait, qu'ils n'ont que trop mérité par la durée de leurs peines si disproportionnées à leurs fautes.

Deux individus qui se nomment *Старообрядцы*, Иванъ и Тихонъ, très bons sujets. sont emprisonnés ici pour des raisons bien étranges. Les pauvres gens pleurent leur femmes et enfants qui sont restés dans leur maisons comme orphelins!

Pardonnez, Monsieur le Comte, de ce que j'ose remettre deux suppliques des prisonniers du lieu où je suis. Pénétré de compassion, témoin de leur bonne conduite et persuadé des bons principes, dont ils sont guidés, je me fais un devoir et un acte de charité d'intercéder pour eux auprès de Votre Excellence. A la rigueur, je ne devrais pas oser vous incommoder par une telle intercession, mais l'humanité est un devoir, et la charité est pardonnable; c'est ce qui m'excusera dans l'esprit de Votre Excellence. Ayez la bonté de tenir cette lettre, ainsi que les deux ci jointes, à l'insu de qui que ce soit, puisqu'elles ne sont écrites que pour Votre Excellence et non pour être lûes d'une autre personne, ou pour être *attachées à l'affaire*. Les sentiments que j'ai pour Vous ne me laissent point craindre des mauvaises suites pour la sincérité avec laquelle je vous écris.

Quant à ma personne, vous savez bien, Votre Excellence, que les *motifs* qui sont exposés dans ma lettre dattée le 4 de Mars, sont assez fondés pour me tirer de l'état, dans lequel je languis jusqu'à présent. Faites les valoir, Votre Excellence, au possible. en ma faveur. Il est vrai que ma dernière lettre que j'ai eu le bonheur d'écrire à Sa Majesté le 25 de Mars, était un peu précipitée sous un rapport; mais les sentiments qu'elle renferme ne peuvent pas être condamnables s'ils sont accompagnés d'une *prière* qui peut-être ne fut point agréée et n'a servi qu'à prolonger mon exil. Il m'était cependant presque impossible de croire que je dusse souffrir à l'occasion de cette lettre. Prier n'est pas un crime. Un père ne punit point pour cela son enfant lorsqu'il vient lui prier une grace. Sa seule punition à laquelle peut s'attendre l'enfant est un refus paternel. Je ne saurais donc non plus être coupable pour avoir adressé ma *prière* au Père—Monarque, le plus généreux et juste. Au

reste, cette appréhension ne peut être qu'imaginaire, puisque j'ai supplié Sa Majesté pour une chose sainte qui doit glorifier Dieu et notre aimable Sauveur Jésus-Christ. Par respect, j'ai prévenu Sa Majesté (dans ma lettre de 25 Mars), que c'était *la dernière* lettre que j'écrivais à Sa Majesté, touchant l'objet, pour lequel je suis arrêté. Quelque fois je pense, que si je ne suis pas encore mis en liberté, c'est que mes lettres (du 6 Oct. 1837 et du 25 Mars de l'année courante) ne sont point lûes par Sa Majesté dans toute leur étendue et en *détail*, qu'elles sont peut-être lûes seulement en *extrait*, ou en abrégé—qu'elles ne sont pas, peut-être, parvenues *directement* à Votre Excellence (surtout celle du 25 Mars), qu'elles sont peut-être mal interprétées par ces extraits... En ce cas, j'ose supplier Votre Excellence de les présenter à Sa Majesté *telles qu'elles sont*. Vous ne serez responsable pour chose au monde. Car c'était une *impossibilité absolue* de pouvoir faire enquête d'une chose si intérieure et divine, si inconnue et impénétrable, comme celle, pour laquelle je suis condamné. Vous n'en avez pû saisir que *l'extérieur* qui en cache l'esprit. Aussi toute personne qui n'est point initiée dans ce divin mystère, quoiqu'elle aie toute la pénétration possible, ne peut faire autre chose que dire ce qu'elle voit de ses yeux, et rien de plus; l'ame et le coeur n'en ayant point goûté et expérimenté l'effet et l'esprit. Mais lorsque Sa Majesté aura lû en *détail* mes lettres, il est impossible qu'Elle me condamne pour ma sincérité, pour mes sentiments, ou pour une innocente prière dans la dernière lettre. Présentez seulement mes lettres à Sa Majesté et Vous en verrez les effets dans tout cas: car c'est à Dieu de gloire, notre Seigneur Jésus Christ, que j'ai remis ma cause, expliquée dans ces lettres et Il ne badinera pas en la défendant!—

Pensez à moi, Votre Excellence, quand vous aurez occasion d'intéresser en ma faveur auprès de Sa Majesté. C'est une félicité que pratiquer le bien autant qu'il est en nous. La rapidité du temps courant enlève nos jours qui vont se fondre en éternité, où nos bonnes oeuvres—celles que la charité accomplit ici-bas pour la gloire de Dieu et envers notre prochain—feront goûter une joie pure, solide et perpétuelle.

J'ai l'honneur d'être avec les sentiments du profond respect, Monsieur le Comte, de Votre Excellence le très humble

et très obéissant serviteur

Martin Piletsky.

Ville de Souzdal 9 Juin 1838.

PS. Accordez moi la grace, Votre Excellence, pour que j'aie la permission d'écrire à mes amis des lettres (ouvertes) en quelques lignes

seulement pour m'enquerir de leurs santé, savoir: à Madame de *Tatarinov*, qui se trouve dans la ville *Kachine*, au Général de *Golovine*, à *Tiflis* et au Prince *Engalitchov*, à *St. Pétersbourg*. Ne me refusez pas cette consolation, je Vous en supplie! Quel abus pourrais-je faire d'une telle grace, et quel tort à qui que soit au monde? Cette intercession sera certainement agréée par Sa Majesté Impériale, puisque cela ne peut être d'aucune conséquence.

5.

Ему же.

28 Июля № 2328.

Сіяте́льнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь.

Навѣрно полагаю, что письма мои къ Вашему Сіятельству вскрываются и прочитываются здѣсь, въ противность Высочайшаго Указа. Это непростительно, потому что я веду себя съ величайшею непорочностью, о чемъ всѣ здѣсь засвидѣтельствуютъ; я же по сіе время ни строки не писалъ отсюда ни къ кому противъ запрещенія; и потому еще это непростительно, что въ письмо мое, отъ 25 Марта, было включено и секретное всеподданнѣйшее письмо на Высочайшее Имя Его Величества, которое также было вскрыто безъ всякой причины. Читать секретное письмо, адресованное на Высочайшее Имя, кому-либо безъ воли Его Величества, есть проступокъ немаловажный. Когда уже частное лицо оскорбляется такою невѣрностію, то тѣмъ болѣе оскорбляется этимъ Августѣйшая Особа Монарха. Нѣтъ мѣста никакой оговоркѣ въ таковой невѣрности. *Что* бы я ни писалъ и сколько бы ни писалъ къ Вашему Сіятельству, за это отвѣчаю одинъ я предъ Вами и предъ Монархомъ. Если-жъ я въ чемъ обвиненъ предъ Вами, то не вѣрьте, Сіяте́льнѣйшій Графъ, ничему такому, что не согласно съ чувствованіями моими, кои изображены въ письмахъ моихъ къ Вамъ.

Видя себя въ такомъ положеніи, я не погрѣшаю, если нѣкоторые письма мои къ Вашему Сіятельству будутъ отнесены на почту и мимо здѣшняго архимандрита. Вы изволили, съ самаго начала, исходатайствовать мнѣ Высочайшее позволеніе писать къ Вамъ письма за моею печатью: слѣдовательно, отдано ли письмо мое *черезъ его руки* или *прямо на почту*—это все одно; и въ томъ и въ другомъ случаѣ Высочайшее позволеніе не нарушено.

Сіяте́льнѣйшій Графъ, если вникнете въ предметъ писемъ моихъ въ присутствіи Господнемъ, то непременно удостовѣритесь, что я

содержусь въ заключеніи за то, за что слѣдовало бы меня еще благодарить. Я открываю въ нихъ такое великое сокровище и терплю такое продолжительное заточеніе! Положимъ, что вначалѣ былъ я сосланъ за *ослушаніе* Высочайшей воли: тогда еще не было извѣстно, въ чемъ именно состояла Божественная тайна пророчесственныхъ собраний у Госпожи Татариновой. Но теперь, когда я объяснилъ это, изобразивъ невинность и святость сей тайны, теперь за что я томлюсь въ неволѣ; вѣроятно и тѣ три невинныя особы, которыя сосланы со мною? Ей, Господь вступится за нихъ, Ваше Сіятельство: Вы увидите! Называть заблужденіемъ *столь ясную Божественную истину*, которая выставлена въ полномъ ея свѣтѣ, это очень опасно для души. Впрочемъ, Ваше Сіятельство, можетъ уже и успѣли облагодѣтельствовать ихъ Вашимъ предстательствомъ у Государя Императора; можетъ, они и пользуются уже свободою; а только одинъ я еще не освобожденъ—можетъ скоро и мнѣ уже предстоить сіе счастье?—За сіе предстательство да воздастъ Вамъ Господь Своею милостію; да воздѣйствуетъ Онъ въ сердцѣ Вашемъ живымъ ощущеніемъ неизреченной Его благодати. О какое счастье познать Его въ *себѣ*—такимъ внутреннимъ образомъ! Богу извѣстно, какого блага я желаю Вамъ, и что люблю Васъ по истинѣ. Возьмитесь Вы, Сіятельнѣйшій Графъ, за сіе Дѣло Божіе, о которомъ я свидѣтельствую; разсмотрите прилежно все то, что о немъ сказано въ моихъ письмахъ; вручите себя Господу Иисусу Христу, помолитесь Ему отъ всего сердца, дабы Онъ благословилъ Васъ на сей подвигъ—и Вы увидите, какую получите за эту благодать—даже честь и благодарность получите отъ Самого Государя, когда Дѣло сіе Апостольское оправдается и будетъ принято и нынѣ (1 Кор. гл. 14). Оно непременно оправдается къ общей пользѣ, и къ славѣ Церкви, и къ величайшему стыду противниковъ его. Я говорю это съ твердостью, и не ошибаюсь. Вы же будете утѣшаться успѣхомъ сего Божественнаго Дѣла, радоваться будете Вашему счастью и поставите себѣ незабвенный памятникъ. Это Дѣло невинное, великое и пресвятое. Содѣйствіе Вашего Сіятельства состоитъ въ представленіи Его Величеству всеподданнѣйшихъ писемъ моихъ *подлинными*, изъ коихъ Государь Императоръ, съ помощью благодати Господней, увидитъ святость сего Дѣла. Что отъ сего послѣдуетъ, это будетъ уже дѣйствіе Господне. Содержаніе письма сего, ровно какъ и прочихъ, есть *мое оправданіе*. Доложите, Ваше Сіятельство, сіе *оправданіе мое* Государю Императору. Не подвергайте себя отвѣтственности предъ Богомъ: ибо когда-нибудь Его Величество непременно войдетъ *Самъ* въ разсмотрѣніе сего Дѣла Божія, и людей, гонимыхъ за Оное. Любя Васъ всю душою, желая Вамъ много благъ отъ Господа, и видя въ

Васъ безошибочно орудіе Его, для объясненія сего Божьяго Дѣла Государю Императору, я не напрасно умоляю Васъ, чтобы всѣ бумаги мои представить на Высочайшее усмотрѣніе, такъ, *какъ они есть, въ подлинникъ*, не внимая ни-чѣмъ противорѣчіямъ. Въ семь только случаѣ, Ваше Сіятельство, не будете въ отвѣтственности. Господь укрѣпитъ и здоровье Ваше и дни Ваши продлитъ. Если угодно, войдите въ *приватное* сношеніе о семь важномъ предметѣ съ княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ: бесѣда и свѣдѣнія о дѣлѣ Божіемъ сего почтеннаго мужа для Васъ будутъ пріятны. Не думайте, Ваше Сіятельство, чтобы я, свидѣтельствуя о Дѣлѣ Божіемъ, искалъ чего-либо въ мірѣ или желалъ пользоваться особенными Царскими милостями. Нѣтъ, я не ищю ничего—не желаю ничего; я ищю вѣчныхъ милостей Бога, Творца и Спасителя моего, Который скоро прійдетъ судить всѣхъ и царствовать на землѣ со Святыми Своими (Іуд. 1, 14—15 и Апок. 22, 12), ибо временныя почести и удовольствія исчезнуть, какъ дымъ. Не думайте также, что я зараженъ предубѣжденіемъ, обольстительнымъ духомъ или какимъ фанатизмомъ. Читая мои письма, невозможно не убѣдиться, что я *одного* только желаю, то-есть, чтобы *Господь мой Иисусъ Христосъ и Духъ Его*, блаженный, всерадостный и животворящій, *воздѣйствовалъ въ сердцахъ чрезъ Слово святого пророчества, открывшеся нынѣ*, какъ въ древней Церкви во времена Святыхъ Апостоловъ: *ибо чрезъ сіе Слово* многіе изъ обрядныхъ и наружныхъ Христіанъ сдѣлаются живыми, внутренними, горящими Духомъ любви Христовой, *Котораго сообщаетъ сіе Слово*. А это не мечта и не воображеніе; но это *жизнь* вѣчная, ощущаемая яснѣе и достовѣрнѣе, нежели свѣтъ дневной и зримая въ немъ вещи, ибо надобно *имѣть* въ себѣ Иисуса Христа и Духа Его, чтобы ощущать сію жизнь вѣчную; не только знать Его по наслышкѣ (1 Іоан. 5, 11—12, и Рим. 8, 9, и Ефес. 3, 17).

Сдѣлайте милость, ради Бога! Представьте въ подлинникъ письма мои Его Величеству; *ибо это мое оправданіе*.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть, Сіятельнѣйшій Графъ, Милостивый Государь, Вашего Сіятельства

всепокорнѣйшій слуга

Мартынъ Пилецкій-Урбановичъ.

Суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь.

22 Іюля 1838 г.

6.

Ему же.

27 Августа № 2625.

Сіятельнѣйшій Графъ.

Милостивый Государь.

Преклоняюсь съ глубокимъ извиненіемъ предъ Вашимъ Сіятельствомъ, что включаю здѣсь письмо мое къ Его Сіятельству князю Александру Николаевичу Голицыну. Недовѣрчивость къ здѣшнему Архимандриту поставляетъ меня въ сію необходимость. Оставляя меня въ неизвѣстности на счетъ отправленія моихъ писемъ отсюда, онъ отягчаетъ мое заключеніе. Прочитать письмо мое князю Александру Николаевичу или нѣтъ—это зависитъ отъ благоусмотрѣнія Вашего Сіятельства. Прошу только простить мнѣ, что я прибѣгаю въ семъ случаѣ къ покровительственному Вашему содѣйствію. Князю Александру Николаевичу совершенно извѣстно Дѣло Божіе, и Слово пророческое онъ слушалъ продолжительное время, въ бытность его Министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. По сей важной причинѣ, я долженъ считать его также орудіемъ Божиимъ—именно по извѣстности Дѣла Божьяго и многихъ онаго обстоятельствъ *на самомъ опытѣ*—и онъ можетъ о томъ свидѣтельствовать.

Неоднократно свидѣтельствовалъ я о Дѣлѣ Божіемъ, что оно невинно и свято. Оно свято потому, что проистекаетъ отъ Самого Господа: это живое Слово Божіе, Духъ Святый, Утѣшитель. Невинно оно потому, что не касается ни до чего и есть само по себѣ, отдѣльная, совсѣмъ небесная, вѣчная истина—Божественный Свѣтъ, сіяющій въ темномъ мѣстѣ нашего человѣчества,—Слово св. Патріарховъ, Пророковъ, Царей Израиля, и древнимъ христіанамъ—это слово Іисусъ Христосъ (2 Пет. 1, 19 и Кол. 3, 16 и Евр. 1, 1). Оно не дѣлаетъ перемѣны ни въ обрядномъ священнослуженіи, ни въ званіяхъ и занятіяхъ людей: оно перемѣняетъ только *сердце* человѣка (1 Цар. 10, 5, 6, и Евр. 4, 12). Господь сообщаетъ *Себя*—Духъ Свой, чрезъ сіе *пророчествуемое Слово*, по предсказанію Господнему: *излію Духа Моего въ послѣдніе дни на всякую плоть и будутъ пророчествовать* (Дѣян. 2, 13), не принуждая къ тому никого. Люди принявшіе сіе внутреннее сокровище—сіе *сокровище блажи*, испрашиваемое безпрестанно Церковію—сей свѣтъ истинный, любовь Іисусову, будутъ только лучшими исполнителями своихъ обязанностей, какъ военныхъ, такъ и прочихъ (не теряя нисколько ни любви, ни уваженія къ Церкви Божіей). Истребляя пьянство и развратъ между монашествующими, между священно и церковнослу-

жителями и прочими состояніями, усилятся трудолюбіе, умножится изобиліе и богатство Государства, исчезнутъ ереси и разновѣрія. *Вещи* останутся неподвижными, *личности* только будутъ дѣйствовать праведнѣе, совершеннѣе и согласнѣе съ правдою и премудростію, и съ Высочайшею волею Верховной Власти Его Величества, которая всегда желаетъ только блага всѣмъ и каждому Богомъ ввѣренному ему народу. Я принужденъ войти въ подробнѣйшее оправданіе Дѣла Божія, о которомъ свидѣтельствую, для того, чтобы *ложныя понятія* о немъ и *клеветы* не могли дать направленія, оскорбительнаго для истины. Любовь къ истинѣ, любовь безпредѣльная къ дражайшему Монарху, заставляетъ меня изъяснять эту истину такъ, какъ открылъ мнѣ Господь. Священная обязанность Вашего Сіятельства состоитъ въ представленіи *всѣхъ* писемъ моихъ (не исключая и сего) на Высочайшее воззрѣніе Всемиловитвѣйшаго Государя Императора: ибо я свидѣтельствую о дѣлѣ *великомъ*.

Не взирайте на недостойнство и ничтожность моей личности, не требующей ни малѣйшаго уваженія, но взирайте на важность и святость самаго предмета и Дѣла, о которомъ я пишу со страхомъ Господнимъ, свидѣтельствуя о живомъ Словѣ, бывшемъ отъ начала (Іоанн. 1, 1)—о явленіи нынѣ Духа Господняго, Утѣшителя въ Словѣ святаго пророчества, котораго обѣщаль Спаситель нашъ послать за Кровь Свою,—о Словѣ, которое я слушалъ двадцать лѣтъ чрезъ посредство рабы Господней Госпожи Татариновой, имѣющей въ себѣ сіе Слово: для сообщенія Его желающимъ. Пусть весь свѣтъ читаетъ мои письма о семъ Божіемъ Дѣлѣ (только въ *совокупности* и неразрывной связи ихъ); я увѣренъ, что увидятъ святость и истину моего свидѣтельства. *Радніе*, ликованіе, или святое плясаніе, столько же невинно, какъ и пророческое Слово. Всякой, даже дитя пойметъ, что это наружное явленіе радости, что совершенно невинная, безвредная наружность, не касающаяся до обрядности Церкви. Почему же не находятъ постыдными и вредными *мірскія плясанія*—отчего же такъ нетерпимы *Божіи*, особенно тогда, какъ всегда они были и въ древнемъ Божіемъ народѣ.¹⁾ Изъ всѣхъ дѣйствій и даровъ Святаго Духа нѣтъ соблазнительнѣйшаго для многихъ, какъ радніе, ликованіе Духа, святое плясаніе. Что дѣлать; Господь не смотритъ на соблазняющихся. Онъ являетъ Свою истину и именуетъ блаженнымъ того, кто не соблазняется о Немъ и въ Его вѣрующихъ. Кто испыталъ сіе дѣйствіе Духа, тотъ знаетъ, что радніе есть радость внутренняго Духа—содѣйствіе безмѣрной оцутительной любви Иисуса Христа. это блаженство, которое приводитъ вѣрующія души въ такой

¹⁾ Изслѣдованіе происхожденія, древности и образа употребленія музыки, пѣнія и плясанія духовнаго, могло бы составить весьма занимательную программу для ученыхъ теологовъ. *Примѣчаніе М. Шлецкаго.*

восторгъ, что они забываютъ себя, играютъ, поютъ Божественнымъ вдохновеніемъ, предаются святому скаканію и плясанію, плещутъ руками, какъ царь Давидъ, хваля и славословя Господа (Дѣян. 3, 8). Сей даръ будетъ особеннымъ удѣломъ чадъ Божіихъ въ послѣднее время—это *Духъ блаженный*. Зная это, могу ли я говорить противъ очевидности. *Радѣніе* наименовано въ славянской Библии *ликованіемъ*. Въ иностранныхъ Библіяхъ слово *ликованіе* выражается яснѣе, нежели какъ хотятъ истолковать это важные, высокоумные праведники нашего времени, скрывающіе и самую этимологию сего выраженія въ подлинникѣ, отъ гордой болзни и ложнаго стыда, чтобы не выказать себя предъ міромъ, что вѣрятъ святому плясанію. Въ Англицкой (sic) Библии *ликованіе* переведено съ подлинника словомъ *danse* т. е. танцованіемъ. Я помню, что мнѣ случилось (совсѣмъ неожиданнымъ образомъ) читать предисловіе французскаго молитвенника—кажется *le Paroissin français*, гдѣ сказано нѣчто весьма примѣчательное о семъ Божественномъ плясаніи.

Но если Вашему Сіятельству угодно видѣть истинное чадъ Божіе, радующееся живою радостію о явленіи въ немъ оцутительнаго, живаго присутствія Господа, и какимъ образомъ Онъ дѣйствуетъ въ немъ, то прикажите взять отсюда изъ арестанской бывшаго іеромонаха Досіея и Вы удостовѣритесь самою очевидностію въ истинѣ святаго радѣнія. Принимаю за особый Божій Промысль, что нашель его здѣсь въ заключеніи. Такимъ образомъ страдаютъ (по всей вѣроятности) многіе Божіи люди. Въ самомъ началѣ писалъ я къ Вашему Сіятельству нѣчто о семъ Божіемъ чловѣкѣ и объ отцѣ Израилѣ, заключенномъ (въ Соловецкѣ!) уже тому четыре года. Отецъ Досіея лишенъ не только священства, но и *монашества*: слѣдовательно, не принадлежа болѣе духовенству, онъ можетъ быть освобожденъ съ паспортомъ на собственное пропитаніе. Онъ чловѣкъ совершенно безвредный; кротокъ, простъ; безъ всякаго притворства; крайне снисходителенъ къ грѣшникамъ (ибо и самъ былъ грѣшникъ); искрененъ, пріятенъ въ разговорѣ, по наружности мужичекъ; говорить о Богѣ, хотя простонароднымъ образомъ, но съ жизнью и глубоко. Онъ не можетъ долго выдерживать бесѣды о Спасителѣ и пресвятой Богородицѣ; сердце его воспламеняется огнемъ Божественной вдохновенной любви, и тогда бываетъ онъ восхищенъ блаженнымъ Духомъ, съ изъявленіемъ пріятной видимой на лицѣ его радости, (которую онъ называетъ неописанною и неизглаголанною), начинаетъ бить въ ладоши, хваля и славя Спасителя и Матерь Божію краткими, но весьма живыми выраженіями, потомъ (минуть черезъ пять десять) утихаетъ, погружается въ благоговѣйное безмолвіе, и въ неизрѣченную внутреннюю бесѣду и любовь Господа Спасителя

нашего, уносаясь сладкимъ Его присутвіемъ, которое онъ и всегда имѣетъ; по которое тогда столь живо, что онъ ясно созерцаетъ Его внутреннимъ, сердечнымъ зрѣніемъ. Онъ не въ силахъ изъяснить сего блаженства. Сами судите, Ваше Сіятельство, есть ли отъ сего хотя малѣйшій вредъ для Церкви и общества. При сихъ дѣйствіяхъ, отецъ Досиѣей находится въ полномъ, совершенно здоровомъ разсудкѣ и покоѣ. Несмотря на то, что онъ въ полной мѣрѣ любитъ православіе Греко-россійской Церкви, лишаютъ его здѣсь причастія святыхъ Христовыхъ Таинъ, (единственно за исповѣданіе, что блаженство его есть дѣйствіе Святаго Духа, 1 Іоан. 4. 2), хотя онъ съ жалостію проситъ Св. Причащенія, даже запираютъ его на замокъ въ тѣсную каморку, особенно когда Духъ сей Божественной радости восхититъ его въ церкви; доказательство, что для таковыхъ дѣйствій Духа, свободныхъ и живыхъ, должны быть *особыя собранія*, какъ было и у древнихъ христіанъ (1 Кор. 14, 23). Если бы была хотя тѣнь сомнѣнія на счетъ отца Досиѣея, не смѣлъ бы я писать о немъ Вашему Сіятельству, но любя Васъ, я открываю Вамъ случаи благодѣтельствовать Божіимъ людямъ. Сверхъ того, онъ можетъ служить живымъ примѣромъ святаго радѣнія въ присутствіи даже Всемиловивѣйшаго Государа Императора.

Клевета, самая утонченная и ядовитая, всегда употреблялась, чтобы погубить людей Божіихъ и погасить дѣйствія въ нихъ Святаго Духа. Церковь, то-есть *собраніе святыхъ* или вѣрующихъ, имѣющихъ Духа Святаго въ себѣ (Рим. 8, 9)—*Церковь* никогда не была и не будетъ противъ сихъ дѣйствій, *личности* противоборствуютъ имъ. И потому умоляю Ваше Сіятельство не внимать рѣшительно ни-чьимъ донесеніямъ на Божіихъ людей: но произвестъ правый судъ чрезъ отобраніе *письменныхъ объясненій отъ обвиняемыхъ и отъ свидѣтелей*.

Самая вредная клевета наружныхъ христіанъ противъ *нашего* пророческаго Слова есть то, что они устрашаютъ души нѣкоторыми мѣстами святыхъ Писаній, предостерегающими отъ лжепророковъ. Они дѣлаютъ это безъ основанія.

Читая свидѣтельство о пророческомъ словѣ, которымъ я назидался двадцать лѣтъ въ бывшихъ у Госпожи Татариновой собраніяхъ, невозможно не проникнуть, что это Духъ истиннаго пророчества, свидѣтельствующій о Іисусѣ въ насъ (Апок. 19, 10). *Ложные* пророки суть доказательство, что непременно должны быть *истинные*: слѣдовательно, надобно искать и познать истинныхъ. Но утверждать заочно, безъ основательнаго свѣдѣнія и испытанія, что наше пророческое слово есть

лжепророчество—это уже своевольная, ни на чемъ не основанная и несправедливая хула. Можно ли осуждать что-либо *неизвѣстное!* Надобно прежде изслѣдовать, или, какъ говорить св. Іоаннъ Богословъ, *испытать духъ*. Какимъ же образомъ испытывается духъ? На это далъ Господь ясное руководство: „всякой духъ, исповѣдующій Иисуса Христа пришедшаго во плоти, есть отъ Бога (1 Іоан. 4, 2. 3)“. Слѣдовательно, хула, произнесенная на Духъ, исповѣдующій Иисуса Христа *такимъ образомъ, какъ исповѣдуетъ и Духъ нашею* пророчества, есть хула на Святаго Духа, которая не простится ни въ сей, ни въ будущей жизни (Матѳ. 12, 32). Это чрезвычайно важное обстоятельство.

Во времена св. Апостоловъ не было церквей, сооруженныхъ и устроенныхъ подобно нынѣшнимъ. Но были у нихъ *Собранія, въ коихъ сходилъ и являлся Утѣшитель Духъ Святыи, произрекалъ живое Слово и совершалъ таинства*. Пророческое слово было произносимо Духомъ Святымъ чрезъ людей, имѣвшихъ даръ пророчества, которые потому и назывались *пророками и пророчицами*. Были у нихъ и вдохновенные словесные языки и такія внутреннія движенія Духа, кои образовали блаженныя дѣйствія (безъ словъ), то-есть *радїиіе* или ликованіе (1 Кор. 14, 21—25). Если св. Апостоль Петръ предостерегаетъ вѣрующихъ его времени отъ лжепророковъ (2 Пет. 2. 1—3); то онъ предсказывалъ о такихъ людяхъ, которые *отдѣляются себя отъ сихъ пророческихъ собраний, то-есть отъ ученія и слова внутренняго духа*, будутъ жить по плоти, а не по Духу, будутъ учить отъ собственнаго плотскаго ума, а не отъ Духа, не разумѣя, что *повторять словъ Святаго Духа* совѣмъ иное, нежели *говорить Духомъ*, то есть *пророчествовать*. Отъ сихъ-то ложныхъ проповѣдниковъ, лжеучителей (лжепророковъ) произошли *наружные христіане*, чтители однихъ только наружныхъ святынь и обрядовъ, но не имѣющіе внутренняго Наставника, Утѣшителя, и отвергающіе Слово Его, и дѣйствія Его въ тѣхъ, которые Его имѣютъ (2 Пет. 3, 1—3 и Іуд. 1, 19—23 и Тим. 3, 1—6 и Евр. 10, 25). Всѣ писанія, Ветхаго и Новаго Завѣта, наполненныя свидѣтельствами о *пророческомъ Словѣ*: это ядро всей Библии. Безъ пророковъ и слова пророческаго, въ Древнемъ Завѣтѣ, всегда терялось *живое познаніе* Бога; безъ сего оно дѣлалось только вѣшнимъ, историческимъ, и сдѣлалось, наконецъ, одною только Левитскою священнообрядностію. Господь предлагаетъ нынѣ сей неоцѣненный даръ святаго пророчества, Своего Духа Утѣшителя—то живое Слово, о которомъ я свидѣтельствую.

Преклоняю колѣна, всеподданнѣйше прошу Всемилостивѣйшаго Государя Императора, чрезъ благотворное посредство Вашего Сіятель-

ства, даровать свободу служителямъ сего Божественнаго Слова, и возобновить существованіе пророческихъ собраній по предположенію, изображенному во всеподданнѣйшемъ моемъ письмѣ отъ 25 марта сего года.

Умоляю Ваше Сіятельство, доложите *все* это дражайшему нашему Монарху, избранному для всемірнаго водруженія знамени вѣчной истины. Онъ уразумѣтъ ее совершенно и прославить ее въ Россіи. Кто дерзнетъ противиться Ему, когда Господь въ немъ? Что могутъ бѣдныя, ничтожныя твари противъ силы и власти Творца, дѣйствующаго своимъ избраннымъ царственнымъ орудіемъ. Онъ возгремѣтъ— и потрясутся зданія и дома, новые и ветхіе. Куда дѣнутся всѣ человѣки отъ страшнаго, все сокрушающаго его угроженія! Славно защититъ Онъ Божественное Свое Дѣло. Благо орудіямъ! Незабвенны будете и Вы предъ Господомъ, когда исполните лежащую на Васъ нынѣ обязанность доложить Его Величеству подлинникомъ все то, что я имѣю и имѣлъ счастье писать о семъ Божіемъ Дѣлѣ, въ полной связи и подробности всего писаннаго мною. Послѣднее мое письмо къ Вашему Сіятельству было отъ 22 числа (если оно дошло до рукъ Вашихъ). Судь примете Ваше Сіятельство, если по какому-нибудь уваженію, удержите что-нибудь недоложеннымъ великодушному мудрому нашему Монарху о семъ великомъ предметѣ, въ коемъ заключается всеобщее благо. Началомъ суда Господняго есть ожесточеніе сердца къ принятію истины и предлагаемаго блаженства. Любовь къ Вамъ заставляетъ меня сказать это. Что до меня касается, то я исполняю весьма священную обязанность, объявляя истину точно такъ, какъ мнѣ открылъ Богъ, и говорю о ней только то, что можетъ меня оправдать предъ судилищемъ Господнимъ. Недостойнѣйшій былъ бы я изъ всѣхъ человѣковъ, если бы скрылъ отъ Монарха, дарованнаго Богомъ, столь великую, благотворную и святую истину, [тогда какъ побуждаютъ къ тому обстоятельства], или представилъ ее не въ полномъ, или даже въ чуждомъ ей видѣ.

Молю Бога, чтобы письма мои были ясными истолкователями истинныхъ моихъ чувствованій на счетъ изъясняемаго мною Божіяго Дѣла, и полнаго моего правовѣрія, и чистаго исповѣдыванія вѣры по основаніямъ православной Грекороссійской церкви, священнослужители которой (слѣдовательно и самое священнослуженіе), чрезъ существованіе пророческихъ собраній и принятіе Духа и Словъ святаго пророчества, облечутся въ великую славу.

Представьте, Сіятельнѣйшій Графъ, всѣ письма мои (не исключая и послѣдняго) Его Величеству, избранному Богомъ Монарху, не заботясь

ни мало о моей личности—и Вы увидите, сколь велика сила истины Господней; увидите любовь Августѣйшаго Монарха къ истинѣ, увидите, сколь крѣпка броня истины. „Небо и земля прейдуть, слова же Мои не прейдуть“, сказалъ Господь Спаситель нашъ. Слово Его есть истина. Я свидѣтельствую о Его Словѣ, о которомъ свидѣлствуютъ Евангеліе и Писанія св. Апостоловъ. Это слово не человѣческое, но Божіе, пророчествуемое нынѣ въ явленіи Святаго Духа. Это величайшее и вождѣлнѣйшее событіе нашего времени—радость человѣковъ; вѣнецъ благословенной Россіи, драгоценность Христовой Церкви (Іоан. 17, 6, и 1 Тесс. 2, 13). Смѣю увѣрить Ваше Сіятельство, что я имѣю къ Вамъ любовь, которая уповательно никогда не угаснетъ, какъ не угаснетъ она къ дражайшему нашему Монарху. Это не одна учтивость, но самыя нелицемѣрныя чувствованія, изъявляемыя въ присутствіи Господнемъ. Прошу только довести все, что я ни писалъ о Дѣлѣ Божіемъ, до Высочайшаго свѣдѣнія Его Величества. Да будетъ Онъ моимъ судіею предъ зеркаломъ судилища Вышняго.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и неизмѣнною преданностію имѣю честь пребыть навсегда, Сіятельнѣйшій Графъ, Милостивый Государь, Вашего Сіятельства всепокорнѣйшимъ слугою

Мартынъ Пилецкій.

Суздальскій Спасо-Евѣмїевъ монастырь.

20 Августа 1838 года

7.

Ему же.

1 Сентября № 2636.

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь.

Сего мѣсяца 25-го числа Отецъ Архимандритъ монастыря, гдѣ я нахожусь подъ стражею, объявилъ мнѣ Высочайшій Указъ, чтобъ я мимо его не писалъ отсюда ни къ кому, ни даже къ Вашему Сіятельству. Принимаю это отнынѣ къ непремѣнному и самому точному наблюденію подъ строжайшею отвѣтственностію. Прошу простить мнѣ и испросить Высочайшее прощеніе у Его Величества, что я, по недовѣрчивости къ здѣшнему Архимандриту, имѣлъ намѣреніе писать мимо его, которое, впрочемъ, тотчасъ же самъ я предварительно и открылъ Вашему Сіятельству въ письмѣ моемъ отъ 22 Іюля, принятаго отъ меня въ тотъ же день, подъ росписку самимъ Архимандритомъ, для отправленія (23 Августа) на почту.

Въ положеніи моемъ человѣкъ невольнымъ образомъ ввергается въ недоувѣрчивость. Кто не испыталъ сего печальнаго состоянія, не можетъ представить себѣ этой тѣсноты, какую угнетается душа въ неволѣ. Это чувство болѣзненное и томительное, изнуряющее со временемъ и тѣлесныя силы. Это я испытываю здѣсь вседневно. Я потерялъ охоту къ всякой пищѣ, и тѣло мое оттого уже очень ослабѣло!

Итакъ, покорнѣйше прошу Ваше Сіятельство, заглаждайте, сколько возможно, ошибочную внѣшность писемъ моихъ, или нѣкоторыя нарушенія надлежащаго приличія и порядка, въ кои могла увлечь меня ревность къ Дѣлу Божиему, которыя могли произойти и отъ неограниченнаго упованія на благодѣтельное расположеніе кроткой души Вашей, и на несравненное великодушіе и чистѣйшую правоту возлюбленнаго нашего Монарха, прощающаго отечески погрѣшности, и взирающаго съ внимательною мудростію на самое существо вещи: ибо въ существенномъ предметѣ моихъ писемъ нѣтъ ни преувеличенности, ни ошибки. Симъ послѣднимъ письмомъ прекращаются объясненія чувствованій моихъ касательно сего великаго предмета, то есть Дѣла Божіяго, о которомъ я свидѣтельствовалъ, повергая сіе свидѣтельство мое, съ смиреніемъ, къ пресвятымъ ногамъ Спасителя нашего Иисуса Христа, и въ покровительство преблагословенной Богородицы, присно Дѣвы Маріи, въ ожиданіи рѣшенія, какое самъ Господь положить, дабы уважено было Божественное Слово, которое Онъ благоизъявляетъ нынѣ сообщать Своимъ вѣрующимъ въ явленіи Святаго Духа—не только какъ въ древнія времена, но еще съ большею силою и обильнѣйшею благодатію. Ревность моя къ сему святому Дѣлу основательна, потому что Оно должно прославить Господа нашего Иисуса Христа, и возвеличить славу возлюбленнаго нашего Монарха въ высочайшей степени, если оно будетъ принято. Я исполнилъ мою обязанность. Истина объяснена. Принять ее, или отвергнуть—это зависитъ отъ произволенія всякаго, кому она возвѣщается. Но время такъ кратко, что это не терпитъ болѣе отлагательства. Всѣ мы станемъ предъ судилище Господне. Внутреннее свидѣтельство и совѣсть не обличаетъ меня въ тяжкомъ или государственномъ преступленіи. Напротивъ, Духъ свидѣтельствуетъ во мнѣ, что я люблю Всемиловѣйшаго Монарха нашего по истинѣ и неограниченно, и что я не въ состояніи быть Ему невѣрнымъ.

Если я обвиненъ ослушнымъ Высочайшей волѣ, возбранившей посѣщать пророческія собранія у Госпожи Татариновой; то кромѣ того, что таковыя посѣщенія не заключали въ себѣ ни малѣйшей злонамѣренности, они и не совсѣмъ были въ противность Высочайшей

волѣ, потому что и въ подпискѣ, взятой съ насъ, нѣсколько лѣтъ тому, значилось только то, чтобы Госпожа Татаринава не имѣла у себя (прежняго) многочисленнаго собранія и *сѣздовъ*: посѣщать же ее двумъ, тремъ, или нѣсколькимъ лицамъ (сколько я помню) возбранено не было. Отъ сего произошло то, что посѣщавшихъ Госпожу Татариннову (послѣ такой подписки) всегда было не болѣе пяти особъ (не считая дѣтей и брата ея). Это оказалось и по произведенному надъ нами въ Маѣ минувшаго года слѣдствію. Найденныя же въ молитвенной нашей комнатѣ иконныя украшенія сдѣланы не *послѣ подписки*, но еще въ *прежнее время*, когда было многочисленное собраніе, какое существовало въ Михайловскомъ замкѣ, гдѣ бывало до пятидесяти, слушавшихъ пророческое Слово. За вышесказанное ослушаніе содер- жусь я уже пятнадцать мѣсяцевъ (и нынѣ) въ арестантскомъ зданіи, окруженномъ высокими стѣнами, день и ночь подъ неуспыннымъ наблюденіемъ вооруженной военной стражи. Съ Госпожею Татаринною не только не имѣлъ я до нынѣ никакого сношенія; но не имѣю ни слуха, ни извѣстія о ней. Изъ сихъ свѣдѣній, Ваше Сіятельство, изволите усмотрѣть, что я дѣйствительно въ тяжелой неволѣ и, по продолжи- тельности оной, могу быть удостоенъ милосердаго воззрѣнія Его Величества, если только Ваше Сіятельство осчастливите меня благотворнымъ докладомъ Всемилостивѣйшему Государю Императору бумагъ моихъ о Дѣлѣ Божіемъ (не исключая и сего письма), и сострадательнымъ хода- тайствомъ Вашимъ о моемъ освобожденіи, которое будетъ для меня сладкою отрадою, если оно соединится съ желаемымъ успѣхомъ Бо- жьяго Дѣла.

Имѣю честь пребыть навсегда съ неограниченнымъ почитаніемъ и съ таковою же любовію и преданностью, Сіятельнѣйшій Графъ, Милостивый Государь, Вашего Сіятельства всепокорнѣйшимъ слугою

Мартынъ Пилецкій.

Спасо-Евфиміевъ монастырь.
26 Августа 1838 года

8.

Ему же.

22 мая № 1329.

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь.

Облегчать, по возможности, участь страждущихъ ближнихъ нашихъ, есть не только обязанность всякаго человѣка, которую предписываетъ

Законъ Божій, но и утѣшеніе для сердца. При безсиліи моемъ быть дѣятельно-полезнымъ въ семь отношеніи, долгомъ почитаю изъяснить, по крайней мѣрѣ, чувствованія мои въ пользу заключенныхъ, уповающихъ на защиту и покровительство Вашего Сіятельства. Утѣшаю себя пріятною мыслию, что представляемое здѣсь предположеніе о облегченіи участи людей, заключенныхъ по дѣламъ духовнымъ, и вообще по духовному вѣдомству, должно быть сообразнымъ съ благотворными намѣреніями Вашего Сіятельства по сему предмету. Не оставьте, Сіятельнѣйшій Графъ, и меня благодѣтельнымъ Вашимъ ходатайствомъ, и тѣхъ, которые посланы также по Дѣлу Божию (и Отца Израиля, который въ Соловецкѣ). Вотъ уже два года, что душа моя повседневно томится въ монастырѣ. Теперь и испыталъ, чего стоитъ человѣку, старающемуся слѣдовать Духу внутреннему, зависѣть отъ образа дѣйствій и мыслей монаховъ не внутреннихъ!—Изъ сихъ немногихъ словъ Ваше Сіятельство видите, что мы дѣйствительно въ странѣ для насъ чуждой, и въ томительномъ заключеніи. Каково, напримѣръ, видѣть частыя притѣсненія, дѣлаемая содержащемуся здѣсь (бывшему) Іеромонаху Досиѣю, о которомъ и имѣлъ честь прежде писать къ Вашему Сіятельству—каково сердцу моему видѣть его часто наказываемымъ за невинныя дѣйствія неизглаголанной радости, которую возбуждаетъ въ немъ вдохновенная любовь и сладчайшее для него Имя Іисусово! Онъ на нѣсколько минутъ забывается въ семь сладкомъ восторгѣ блаженнаго Духа, плещетъ руками, какъ дитя, отъ радости, сохраняя на себѣ пріятный, кроткій, благопристойный видъ; тогда схватываютъ его солдаты, по приказанію Архимандрита, влекутъ его безъ милости, и запираютъ въ каморку на хлѣбъ и на воду. Свидѣтельствуюсь Богомъ, что это *истинное чадѣ Божіе, движимое Духомъ Христовымъ* (Рим. 8, 14—16). Сіятельнѣйшій Графъ, если Архимандритъ, по непріязненному чувству къ нему, начнетъ невыгодно отзываться объ немъ, сдѣлайте милость потребуйте письменное объясненіе отъ отца Досиѣя. Впрочемъ можетъ быть онъ и усовѣстится кротостію и невинностію Досиѣя. Но я осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить Ваше Сіятельство, приложите отеческое Ваше стараніе и о его освобожденіи отсюда. Онъ хочетъ жить при отцѣ своемъ въ деревнѣ. Просьба его (вмѣстѣ съ прошеніемъ бывшаго іеромонаха Евфимія) находится при письмѣ моемъ къ Вашему Сіятельству, писанномъ на французскомъ языкѣ. Сіятельнѣйшій Графъ, не принимайте словъ доносителей и обвинителей нашихъ иначе, какъ отобравъ отъ насъ *письменныя объясненія*. Простите, Ваше Сіятельство, моей къ Вамъ откровенности, проистекающей изъ чистѣйшаго источника, и примите письмо сіе, какъ и предположеніе, *собственно для Васъ самихъ*, не присоединя къ моему дѣлу, къ которому

по содержанію своему и принадлежать они не могутъ. Отъ всего сердца желаю Вамъ отъ Господа многихъ милостей, ощущенія животворной Его благодати, и полнаго здоровья, пребывая навсегда съ глубочайшимъ почтеніемъ, съ истинною любовію и неограниченною преданностію, Сіятельвѣйшій Графъ, Милостивый Государь, Вашего Сіятельства всепокорнѣйшій слуга

Мартынъ Пилецкій.

Суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь.

10 Мая 1839 г.

Предположеніе о благодѣяніяхъ, какія могутъ быть оказаны людямъ, сосланнымъ по монастырямъ и вообще заключеннымъ по духовному вѣдомству.

1. На основаніи существующаго Указа, освобождающаго арестантовъ, которые въ теченіи двухъ лѣтъ хорошо аттестованы мѣстнымъ Начальствомъ, могутъ многіе изъ нихъ осчастливлены быть освобожденіемъ ихъ отъ продолжительнѣйшаго заключенія, если они *безпристрастно* будутъ аттестованы.

2. Но участь ихъ несравненно облегчится, если имъ предоставлена будетъ безпрепятственная свобода *писать къ Синодальному Господину Оберъ-Прокурору объяснительныя по дѣламъ своимъ бумаги.*

Прим. а). Для неграмотнаго можетъ таковыя бумаги писать кто-нибудь изъ грамотныхъ арестантовъ, по словамъ самого просителя. Писатели сихъ бумагъ не отвѣтствуютъ за содержаніе оныхъ: только возбраняется имъ употреблять *оскорбительныя выраженія*, касающіяся верховной власти и вообще высшаго Начальства. Просители должны прикладывать руки къ симъ бумагамъ по возможности своей.

Прим. б). Мѣра сія не будетъ слишкомъ обременительна для канцеляріи Оберъ-Прокурора, во-первыхъ потому, что содержащіеся подъ арестомъ по духовному вѣдомству не такъ многочисленны; а во-вторыхъ, что одна уже извѣстность о такомъ постановленіи уменьшитъ число сихъ людей до весьма малаго количества.

3. Такъ какъ изъ сихъ письменныхъ объясненій можно будетъ видѣть настоящій образъ мыслей содержащихся по монастырямъ людей; то мѣстные духовныя ихъ Начальства обязаны присоединять оныя къ

своимъ (третнимъ или полугодовымъ) о нихъ донесеніямъ, въ коихъ должны непремѣнно изъяснены быть тѣ важныя законныя причины, по которымъ должны они еще долѣе содержаться въ монастыряхъ лишенными свободы.

4. Помѣшавшихся въ умъ, по засвидѣтельствованіи о томъ врачебнаго Начальства, отдѣлить въ особое мѣсто, на особое приличное имъ содержаніе, какъ людей, не умышленно-виновныхъ, но больныхъ.

5. О притворно-помѣшанныхъ и упорныхъ раскольникахъ и прочихъ, публично оскорбляющихъ православную вѣру и власти ругательными словами, дѣлать особыя представленія, для принятія мѣръ, чтобы не питать ихъ злонравія и лѣности къ работѣ казеннымъ производствомъ изъ казенныхъ окладовъ, производимыхъ арестантамъ, и подаваніями частныхъ людей, и чтобы здоровыхъ и годныхъ изъ нихъ отдавать въ солдаты.

6. Весьма нужно, чтобы нѣкоторые изъ такихъ содержащихся въ монастыряхъ подъ строгимъ надзоромъ людей, по усмотрѣнію Оберъ-Прокурора, *перемѣщаются въ С.Петербургъ*, для личныхъ распросовъ, дабы доставить имъ полную свободу объяснить такія обстоятельства, которыя не допускаются до свѣдѣнія высшаго Начальства, по важнымъ и разнымъ опасеніямъ тѣхъ, которые стараются скрыть ихъ. Сія объясненія должны излагаемы быть ими и на бумагѣ, за ихъ подписомъ.

7. Указъ о предоставленіи арестантамъ вышеизъясненныхъ благодѣяній долженъ висѣть, въ рамкѣ подъ стекломъ, въ (общей) арестантской комнатѣ (безъ помѣщенія въ ономъ 6-ой статьи).

8. Каждый изъ такихъ содержащихся при монастыряхъ людей, письменное свое объясненіе долженъ начинать тѣмъ, что онъ пишетъ на основаніи сего прочтеннаго имъ Указа; если-жъ онъ ничего не имѣетъ сказать въ новомъ объясненіи, то пусть напишетъ только, что онъ, на основаніи того Указа, *ссылается во всемъ на первое или презшее свое объясненіе* и не имѣетъ ничего болѣе присовокупить къ тому.

Таковыя распоряженія будутъ полезными благодѣяніями для содержащихся подъ угнетеніемъ и неограниченною властію Начальниковъ монастырей. Мѣры сіи будутъ служить обузданіемъ *своевластія и пристрастія* сильныхъ, которые пользуются *беззащитностію* и *безбласно-*

стию лишенныхъ свободы и возможности сказать что-либо въ свое оправданіе. Свободныя объясненія сихъ страждущихъ *откроютъ многія* (болѣе или менѣе) *важныя вещи*, которыя безъ сего способа, будучи подавляемы и заглушаемы виновниками ихъ неволи, никогда не обнаружатся. Мѣры сіи не могутъ причинить никакого вреда, ни въ какомъ случаѣ, хотя бы въ числѣ таковыхъ объясненій оказались нѣкоторыя и неосновательными.

9.

Ему же.

23 Юня № 2301.

Сіятельныйшій Графъ,

Милостивый Государь.

Скучая отъ продолжительности заключенія, причиняющей мнѣ и разстройку здоровья, которую чувствую уже болѣе года, просилъ и начальствующаго здѣсь Отца Архимандрита, чтобъ онъ позволилъ мнѣ выходить иногда,—съ нимъ, или съ кѣмъ онъ прикажетъ, изъ тѣсной ограда арестантской мѣстности прогуливаться въ монастырскомъ саду. По добродушію, побуждающему его облегчать, сколько можно, участь мою и вообще содержащихся здѣсь арестантовъ, онъ исполнилъ мое желаніе. Въ одинъ ясный день минувшаго Мая взялъ онъ меня съ собою въ свой садъ для прогулки. Оттуда пошли мы въ Соборъ монастыря къ началу обѣдни, послѣ которой приложились къ св. мощамъ преподобнаго Евфимія, попросилъ я показать мнѣ митру и посохъ сего Преподобнаго. Мы вошли въ ризницу, гдѣ и были показаны мнѣ какъ сіи, такъ и нѣкоторыя другія церковныя вещи и драгоценности, между прочимъ древнее уставописанное на престольное Евангеліе, принесенное въ даръ незабвеннымъ въ Отечественной Исторіи Княземъ Пожарскимъ, съ его надписью на послѣднемъ листѣ сего Евангелія (сколько извѣстно это по преданіямъ), и нѣкоторыя другіе его вклады; видѣлъ я тутъ и шесть митръ, богато осыпанныхъ крупнымъ жемчугомъ и драгоценными камнями; но пять изъ сихъ митръ, по древности и тяжести своей, неудобноносимы. Между сими дорогими вещами хранится здѣсь, съ давняго времени, въ особомъ мѣшечкѣ, около двѣнадцати фунтовъ крупнаго жемчуга. Вещи сіи означены въ церковной описи. Жемчугъ, коимъ сверху до низу обнизаны тѣ митры, составитъ, кажется, вдвое или втрое болѣе того количества, которое хранится здѣсь зернами. По выходѣ изъ Собора про-

должали мы прогулку по саду, разговаривая о монастыряхъ и церквахъ города Суздаля, древле столь знаменитаго и первенствовавшаго, нынѣ столь малаго, въ коемъ однако и теперъ двадцать четыре приходскія церкви (а съ зимними вдвое) и четыре монастыря. Было прежде шесть монастырей; но два изъ нихъ обращены въ приходы. Отъ сего-то множества церквей такъ бѣдны здѣшніе Священники. Въ иномъ приходѣ только пять дворовъ. На вопросъ мой, къ чему хранится въ монастырѣ драгоцѣнный жемчугъ, въ такомъ большомъ количествѣ, и лежитъ столько лѣтъ въ церкви безъ всякой пользы,—онъ отвѣчалъ: „жемчугъ, который Вы видѣли, зернами и на митрахъ, не только совсѣмъ бесполезенъ, но и вообще вреденъ для монастыря; бесполезенъ потому, что монастырь не можетъ употреблять его, какъ и тѣ старинныя богатая шапки; а вреденъ потому, что причиняетъ душевную заботу о сохраненіи сей драгоцѣнности отъ утраты, каковая, по немощи и удобопреклонности человѣческой ко всякому грѣху, легко можетъ приключиться—не только при моей жизни, но и въ случаѣ, на примѣръ, скоропостижной моей смерти: вещь унесутъ, а подозрѣніе и вину положатъ на меня. Я человѣкъ старый, здоровья слабаго, слышалъ о подобныхъ приключеніяхъ, и потому нельзя мнѣ не опасаться“. Я замѣтилъ, что отъ такого тягостнаго и духовному его званію неприличнаго попеченія, можетъ онъ избавиться, если отнесется къ Архіерею, чтобы продать сей жемчугъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что: „Преосвященный не соглашается на это: видно не хочетъ заводить объ этомъ дѣла—опасаясь, можетъ быть, навлечь себѣ лишнія и безполезныя хлопоты, или даже какія-нибудь непредвидимыя непріятности“.

Сіе краткое замѣчаніе, изъясненное Отцомъ Архимандритомъ просто, мимоходомъ, безъ всякаго намѣренія, пожелалъ я сообщить Вашему Сіятельству, присовокупивъ къ тому и собственныя мои мысли, которыя покорнѣйше прошу принять съ милостивымъ снисхожденіемъ, какъ предположеніе, полагаемое на благоусмотрѣніе Ваше.

Если благоугодно будетъ Вамъ, Сіятельнѣйшій Графъ, сдѣлать въ пользу здѣшняго монастыря, касательно обращенія въ денежный капиталъ хранимаго въ немъ жемчуга, благотворное распоряженіе, сдѣлайте милость, не упоминайте при томъ моей личности,—тѣмъ менѣе Отца Архимандрита Серафима; ибо я пишу это по собственному моему побужденію, видя сердечную скорбь, съ которою изъяснялъ онъ это, безъ всякаго мнѣ со стороны его внушенія: иначе можетъ онъ безвинно подвергнуться неудовольствію своего Начальства. Въ семъ случаѣ

успокоиваетъ меня благоусмотрительность, особенно же благодѣтельнѣйшее расположеніе и благородныя чувствованія Вашего Сіятельства.

Что до меня касается, я почитаю обязанностію моею не умалчивать, не терять ничего такого, что можетъ служить къ *пользѣ общей*. Что полезно, того не могу назвать вреднымъ—блага не могу назвать зломъ, привыкши быть подъ вліяніемъ блага и истины, безпредѣльная полнота и совокупность коихъ обитаетъ во Іисусѣ Христѣ, Господѣ и Богѣ нашемъ, Который, Духомъ Своимъ (внутреннимъ), наставляя на всякую истину, ограждаетъ меня отъ всякаго рода лжи и обмана, тѣмъ болѣе въ дѣлѣ *вѣры*.

Всепокорнѣйше прошу Ваше Сіятельство обратить благосклонное вниманіе на приложенныя здѣсь *предположенія*—какъ плодъ занятія моего и чтенія, облегчающаго состояніе моей неволи—не присоединяя ни ихъ, ни письма сего къ дѣлу и къ бумагамъ моимъ о Дѣлѣ Божіемъ и о людяхъ Божіихъ, съ коими не могутъ смѣшиваться сіи предположенія, какъ земныя, тлѣнныя вещи съ небесными.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ, съ истинною любовію и съ неограниченною преданностію имѣю честь пребыть навсегда, Сіятельнѣйшій Графъ, Милостивый Государь, Вашего Сіятельства всепокорнѣйшій слуга

Мартынъ Пилецкій-Урбановичъ.

Городъ Суздаль. Спасо-Евфиміевъ монастырь.
17 Юля. 1839 г.

1-е. *Предположеніе.*

О лишнихъ монастырскихъ сокровищахъ и обращеніи ихъ въ денежныя церковныя капиталы.

1. Тлѣнныя сокровища, каковы: жемчугъ, драгоценныя камни и тому подобныя драгоценности, неприлично держать у себя монахамъ, избравшимъ, изъ любви къ Богу, нищету и нестяжаніе, и давшимъ обѣтъ быть точными подражателями строгой иноческой жизни Святыхъ, и исполнителями словъ Господнихъ: не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ и пр. (Матѣ. 6. 19—21 и пр. и 10. 9—10 и 16, 24—26).

2. Сокровища сіи лежать у нихъ безъ всякаго употребленія, на суетный только показъ любопытствующимъ, и причиняютъ душевный вредъ монахамъ: одни заботятся, чтобы сберечь сіи сокровища отъ порчи и похищенія, другіе ввергаются въ искушеніе обладать и пользоваться ими.

3. Въ случаѣ утраты оныхъ, подозрѣніе падаетъ на монаховъ и на самаго Настоятеля (отчего она и не обнаруживается). Подозрѣніе сіе можетъ опорочить Настоятеля, въ случаѣ неизслѣдимой прощажки оныхъ, и послѣ внезапной его кончины, (которую виновные могутъ объявить позже открывшагося похищенія).

4. Сколько сокровищъ и дорогихъ кладовъ въ древнее время даровано богатыми благочестивыми дателями, и самими Царственными лицами, монастырямъ, напримѣръ, Суздальскимъ (около 500 лѣтъ существующимъ),—сокровищъ, коихъ, вѣроятно, только самые мелкіе остатки внесены въ весьма позднее и недавнее время заведенныя церковныя описи. Но и самые сіи остатки лежатъ въ монастыряхъ сихъ какъ погребенные въ землю, безъ всякаго благоупотребленія ихъ на церковныя потребности. Сколько такихъ сокровищъ до нынѣ уже утрачено, разнымъ способомъ, какими-то пожарами и пр., сколько ихъ еще будетъ утрачено въ послѣдствіи времени, также разными непредвидимыми приключеніями. Но сколько полезныхъ употребленій можно бы было сдѣлать изъ таковыхъ сокровищъ, еслибъ они были обращаемы въ денежные капиталы.

5. Жемчугъ, драгоценные камни и тому подобныя драгоценности (кромѣ тѣхъ, коими украшены св. иконы) не составляютъ такого рода церковнаго имущества, какъ книги, ризы, сосуды и прочія священныя церковныя вещи, которыя навсегда должны оставаться въ Церкви; но тѣ сокровища суть то же, что и деньги, или денежный капиталъ, (только въ видѣ жемчуга и дорогихъ камней, недоложенствующихъ быть въ монастырѣ или у монаховъ), который, будучи хранимъ безъ употребленія, есть капиталъ мертвый.

6. И потому драгоценности таковыя, какъ совсѣмъ лишнія для всякаго монастыря, можно обращать въ *денежные капиталы*, для употребленія оныхъ на *церковныя нужды*, согласно съ правилами, изъясненными въ Кормчей книгѣ (Част. 1-й на Лист. 129-мъ прав. 26 и на обор.).

7. Монастыри употребляли бы сіи церковныя суммы на лучшее свое устройство, на предохраненіе отъ ветхостей и разрушеній своихъ

зданій, и на прочія, церковныя и монастырскія потребности, не имѣя тогда нужды отягощать казну требованіями отъ нея денежныхъ пособій, ни заставлятъ монаховъ скитаться по міру для сбора денегъ подаваніями, ввергающими часто въ разныя бѣдствія и самихъ собирателей оныхъ.

8. Напримѣръ: Спасо-Евфиміевъ монастырь (въ городѣ Суздалѣ) хранить въ своей ризницѣ много жемчуга и дорогіе камни; но при всемъ этомъ, онъ терпитъ во многомъ недостатокъ. Приношенія крайне скудны; ибо онъ въ такомъ уѣздномъ мѣстѣ, куда, кромѣ нищихъ людей, приходящихъ на богомолье, весьма рѣдко пріѣзжаютъ другіе посѣтители. Самое зданіе монастыря, со всѣми его принадлежностями, давно уже совсѣмъ обветшали. Хотя же и производится нынѣ перестройка монашескихъ въ немъ келій (на счетъ отпущенной на это суммы), при всемъ томъ на обновленіе и ежегодное поддержаніе всѣхъ его зданій, и на всѣ вообще нужды монастыря, потребны большіе денежные способы, какъ и на предвидимыя необходимости, напримѣръ, на случающуюся иногда весьма значительную починку принадлежащей монастырю водяной и мучной мельницы, которая и въ нынѣшнюю весну такое потерпѣла поврежденіе, что на совершенное ея устройство надобно-бъ употребить до 10 т. руб.

9. Итакъ, если-бъ благоугодно было Начальству, съ разрѣшенія Правительствующаго Синода, востребовать отъ монастырей тѣ мертвые ихъ капиталы, заключающіеся въ жемчугъ и тому подобныхъ драгоценностяхъ, съ тѣмъ, чтобы (посредствомъ особо учрежденной на это временной Коммисіи) обратить ихъ, по оцѣнкѣ, въ денежные *церковные* тѣхъ монастырей *капиталы*, которые впредь до употребленія ихъ на церковныя нужды были бы отданы, для приращенія процентами, въ Воспитательныя Дома; то такое распоряженіе было бы для сихъ монастырей большимъ благодѣаніемъ.

10. Дабы приступить къ сему дѣлу, нужно предварительно привести въ извѣстность таковыя монастырскія сокровища истребованіемъ церковныхъ описей.

2-е. Предположеніе.

О соединеніи малолюдныхъ и отдаленныхъ монастырей съ ближайшими къ мѣстопребываніямъ ихъ Архипастырей.

1. Въмѣсто того, чтобы приводить въ лучшее и совершеннѣйшее состояніе тѣ монастыри, которые наиболѣе обитаемы и довольно уже

устроены, часто старались о томъ, чтобы возстановлять и обновлять необитаемыя и развалившіяся обители.

2. Но и между обитаемыми монастырями много у насъ такихъ, которые скорѣе требуетъ уничтоженія, нежели поддержанія, потому что многіе изъ нихъ очень отдалены отъ мѣстопребываній своихъ Архипастыррей, которые оттого находятся въ невозможности имѣть надъ ними всегдашнее бдительное наблюденіе—много такихъ монастырей и пустынь, въ коихъ живутъ только по три, или четыре монаха—въ оныхъ, только нѣсколько бѣльцовъ, по неимѣнію иноковъ, между тѣмъ какъ штатная сумма отпускается вполне и для сихъ обитателей!—

3. Безъ вышесказаннаго близкаго Архипастырскаго наблюденія, монахи такихъ малолюдныхъ и отдаленныхъ обителей, и сами Настоятели ихъ легко могутъ ослабѣть въ иноческомъ подвигѣ, предаваясь праздности, неумѣренному употребленію горячихъ напитковъ, возбуждающихъ порочныя страсти и побуждающихъ къ разнымъ безчинствамъ. Такіе Настоятели могутъ изъ своихъ монастырей извергать благоправныхъ—будучи довольнѣе малымъ, нежели большимъ числомъ иноковъ—и принимать къ себѣ другихъ, имъ единомысленныхъ: тогда могутъ они еще свободнѣе дѣлать всякія преступленія и нарушенія данныхъ Богу обѣтовъ, въ соблазнъ живущему около нихъ народу. Если вещи сіи не обнаруживаются,—по крайней мѣрѣ можно ожидать ихъ!

4. Такіе малолюдные, почти необитаемые, и отдаленные монастыри и пустыни находятся во многихъ обширныхъ и пограничныхъ Губерніяхъ, особенно въ Сибири, гдѣ они размѣщены на большія пространства и разстоянія отъ своего Епископа; и какъ монахи не должны заниматься церковными требами, то они не приносятъ жителямъ тѣхъ пользъ, которыя приносили бы имъ, на ихъ мѣстѣ, приходскіе священники, по недостатку коихъ обитатели тѣхъ странъ принуждены ѣздить въ большія отдаленности за попомъ, (часто и напрасно), для крещенія своихъ дѣтей, умирающихъ часто оттого некрещеными, для погребенія умершихъ, и для другихъ церковныхъ требъ—привозятъ его къ себѣ, отвозятъ его обратно, съ чувствительными для себя издержками, и съ потерей времени въ рабочую пору!—

5. Для ближайшаго наблюденія за образомъ жизни иночествующихъ и вообще за монастырями, и для удобнѣйшаго управленія ими

со стороны Архипастырей, какъ главныхъ, первенствующихъ лицъ иноческаго чина, надобно, чтобы монахи сколь возможно ближайшія имѣли къ Архіереямъ своимъ мѣстопребыванія; ибо тогда только и могутъ они быть всегда посѣщаемы и наблюдаемы ими. Отсюда проистекаетъ необходимость и польза соединенія малолюдныхъ монастырей, и сближенія ихъ съ мѣстопребываніями Епископовъ. Въ иной Губерніи мало монастырей—изъ нихъ составитя одинъ; въ другой много—изъ многихъ перемѣстится соразмѣрное число монаховъ туда, гдѣ мало ихъ (хотя бы изъ одной Епархіи въ другую), и образуется два, три большихъ монастыря поблизости Архіерейскаго дома, сколько позволитъ это возможность.

6. Чрезъ сіе соединеніе одного, или нѣсколькихъ малолюдныхъ, отдаленныхъ, и не штатныхъ иноческихъ обитателей, съ другимъ, сей послѣдній дѣлается первокласснымъ, если-бъ и не былъ таковымъ.

7. Душеспасительное дѣло монаховъ, чрезъ таковыя перемѣщенія ихъ, не можетъ потерпѣть никакого ущерба, число монаховъ, остается то же; церкви упраздненныхъ монастырей будутъ приходскими: земли ихъ, лѣса и т. п. отойдутъ въ казну, или въ пользу поселянъ.

8. Ежели въ церквахъ упраздняемыхъ, или, справедливѣе сказать, *соединяемыхъ* монастырей, есть св. мощи, то-есть, цѣлыя нетлѣнныя тѣла святыхъ; таковыя могутъ остаться въ тѣхъ церквахъ, могутъ и перенесены быть въ тѣ монастыри, куда перемѣнены монахи; туда же могутъ обращены быть и отпускаемыя на содержаніе ихъ штатныя суммы.

9. Дабы не пріивлекать въ монастыри празднолюбцевъ, надобно, чтобы пища и одѣяніе монаховъ зависели (болѣе) отъ трудовъ рукъ ихъ (Матѳ. 13, 55 и Дѣян. 18, 3. и 20, 33 и 34, и Коринѳ. 4, 11—13).

10. Многочисленность и совокупность иноческаго братства въ большихъ, увеличенныхъ монастыряхъ явить совершеннѣйшій образъ иноческой жизни; монастыри пріобрѣтутъ болѣе уваженія къ себѣ; священно-церковно-служеніе и пѣніе въ нихъ будетъ полнѣе, величественнѣе, назидательнѣе и торжественнѣе, подъ непосредственнымъ Архипастырскимъ вліяніемъ и наблюденіемъ. Прочія подробнѣйшія распоряженія по сему предмету зависятъ отъ благоусмотрительныхъ соображеній духовнаго Начальства.

10.

Ему же.

23 Юля. № 3100.

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь.

Хотя я и не сомнѣваюсь, что Ваше Сіятельство, по собственному побужденію доброжелательнаго сердца Вашего употребляете благодѣтельное стараніе о дарованіи мнѣ—и другимъ сосланнымъ со мною особамъ—полной изъ заключенія нашего свободы, при всемъ томъ почель я неизлишнимъ написать особую всеподданнѣйшую просьбу отъ себя, въ нѣсколькихъ строчкахъ, единственно только о моемъ освобожденіи, которую при семъ прилагаю, испрашивая со слезами доклада и ходатайства Вашего (отъ котораго, кажется, зависитъ мое освобожденіе). Ибо здоровье мое уже много потерпѣло отъ заключенной жизни!—

Доставьте мнѣ, Сіятельнѣйшій Графъ, великое удовольствіе изъяснить Вамъ лично въ Петербургѣ, живыми словами, искреннѣйшую мою благодарность за сіе ходатайство, къ которому безъ сомнѣнія подвигнуть Васъ свойственное Вамъ человѣколюбіе и правота сердца.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ, истинною любовію и совершенною преданностію имѣю честь пребыть навсегда, Сіятельнѣйшій Графъ, Милостивый Государь, Вашего Сіятельства всепокорнѣйшимъ слугою

Мартынъ Пилецкій.

Спасо-Евфиміевъ монастырь.

12 Юля 1839 г.

Копія.

На подлинной рукою Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода написано: „По докладу сей прозбы Государю Императору въ Царскомъ Селѣ, 1-го Октября 1839 года, Высочайшаго соизволѣнія на оную не возпослѣдовало“.

Гр. Протасовъ.

Всемилоствѣйшій Государь!

Богомъ благословенное бракосочетаніе первой изъ вселюбезнѣйшихъ Августѣйшихъ дочерей Вашего Императорскаго Величества, безъ сомнѣнія, должно быть вождельннымъ и утѣшительнымъ для Отеческаго

Вашего сердца. Съ общими моленіями вѣрнопоподанныхъ Вашего Величества соединяю и я, узникъ, сердечныя мои желанія: да продлитъ Господь Богъ счастливые дни Ея Высочеству Великой Княгинѣ Маріи Николаевнѣ и Супругу Ея, да увѣнчаетъ ихъ всѣмъ тѣмъ, что только можетъ споспѣшествовать совершенному ихъ благополучію. Пользуясь симъ торжественнымъ событіемъ, повергаю себя къ освященнымъ Монаршимъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества и всеподданнѣйше прошу Всемилостивѣйшаго воззрѣнія на печальную участь мою и Высочайшаго повелѣнія даровать мнѣ свободу.

Всемилостивѣйшій Государь! Осчастливьте меня симъ благотворнымъ дѣйствіемъ милосердія и великодушія Вашего, во вниманіе неизмѣнной истинной любви моей къ Августѣйшей Особѣ Вашего Величества и вѣрнопоподаннической моей преданности.

Всемилостивѣйшій Государь, Вашего Императорскаго Величества.
вѣрнопоподаннѣйшій

Мартынъ Пилецкій, Статскій Совѣтникъ.

Спасо-Евфиміевъ монаст.
12 Юля 1839 года. № 178.

11.

Ему же.

2 Ноября № 5719.

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь.

Давно не имѣлъ я чести и удовольствія повторить Вашему Сіятельству чистосердечныхъ моихъ чувствованій уваженія и любви къ Вамъ, которыя изъяснилъ я въ прежнихъ моихъ письмахъ. И по тому считаю пріятнымъ для себя долгомъ возобновить увѣренія въ тѣхъ моихъ чувствованіяхъ, которыя, надѣюсь, останутся навсегда неизмѣнными.

Всѣ строки, которыя имѣлъ я счастье писать на Высочайшее имя Его Величества, дарованы мнѣ Господомъ моимъ. Онъ будетъ моимъ оправданіемъ, какъ и защитою тѣхъ, которые подобно мнѣ, томимы въ неволѣ! Очень я желаю, чтобы всеподданнѣйшее письмо мое, отъ

24 Февраля сего года, скоро достигло до рукъ Его Величества. Вникая въ благородныя чувствованія души Вашей, я утѣшаю себя тою мыслию, что сіе важное письмо вручено Вами Его Величеству. Сію вѣрность и милость Вашего Сіятельства вознаградить Господь наипріятнѣйшими для Васъ послѣдствіями. Торжественно и рѣшительно изъяснялъ я Вамъ, Сіятельнѣйшій Графъ, истинныя мои чувствованія, что не имѣю я въ предметъ ничего, кромѣ Истины, о которой я свидѣтельствовалъ Его Величеству и Вамъ: не желаю я ни отличій, ни чести, ни сокровищъ сего міра, ибо скоро все это погибнетъ. Но горе тому, кто скроетъ отъ любезнѣйшаго, великодушнаго нашего Монарха сію святѣйшую Истину, составлявшую блаженство многочисленныхъ первыхъ Христіанъ. Потому и не скрываю я отъ Его Величества, и просилъ Ваше Сіятельство наиубѣдительнѣйше о томъ только, чтобы Вы благоизволили содѣйствовать сему чистому побужденію моего сердца представленіемъ Всемилоствѣйшему Государю Императору *вслѣхъ* моихъ писемъ, особенно всеподданнѣйшаго письма моего отъ 24 Февраля сего года.

Примите, Сіятельнѣйшій Графъ, благосклонно сію мою искренность и любовь къ Истинѣ Господней, и вѣрьте несомнѣнно, что никто въ мірѣ не можетъ желать Вамъ болѣе истиннаго блага, и никто не желаетъ столько показать это и на самомъ дѣлѣ, какъ тотъ, кто пишетъ Вамъ сіи строки.

Съ неограниченнымъ почитаніемъ и таковою же преданностію имѣю честь пребыть навсегда, Сіятельнѣйшій Графъ, Милостивый Государь, Вашего Сіятельства всепокорнѣйшимъ слугою

Мартынъ Пилецкій.

Спасо-Евфиміевъ монастырь.

25 Октября 1839 г.

12.

Ему же.

2 Апрѣля № 2938.

Сіятельнѣйшій Графъ.

Милостивый Государь.

Послѣ письма моего отъ 25 Октября 1839 года, это первое, которое имѣю я честь писать къ Вашему Сіятельству. Нынѣ наступаетъ праздникъ свѣтлаго Христова Воскресенія—день торжественный, великій, возвѣщающій радость всѣмъ человѣкамъ и предстоящее освобожденіе

ихъ и всей твари отъ узъ тлѣнія. Въ пріятнѣйшую вмѣняю себѣ обязанность поздравить Васъ, Сіятельнѣйшій Графъ, съ симъ великимъ и всерадостнымъ праздникомъ и изъявить желаніе Вамъ небесныхъ его благъ и той радости, которую онъ приносить вѣрующему сердцу. Вмѣстѣ съ тѣмъ прошу я вновь, съ душевною скорбію, Ваше Сіятельство: благоволите войти со всеподданнѣйшимъ докладомъ къ Государю Императору о дарованіи мнѣ свободы, въ сей день Свѣтлыя Пасхи, (который, въ нынѣшнемъ году, есть также день моего Ангела). Неотцѣненное для меня сіе ходатайство Вашего Сіятельства и сія Отеческая милость Его Величества никогда не изгладятся изъ моего сердца.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и неограниченною преданностію имѣю честь пребыть навсегда, Сіятельнѣйшій Графъ, Милостивый Государь, Вашего Сіятельства всепокорнѣйшимъ слугою

Мартынъ Пилецкій.

Спасо-Евфиміевъ монастырь.
3 Апрѣля 1840.

13.

Ему же.

17 Августа № 6590.

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь.

Послѣ многократныхъ просьбъ, опять прибѣгаю къ Вашему Сіятельству съ всепокорнѣйшимъ моимъ прошеніемъ, съ сердечною скорбію, объ исходатайствованіи мнѣ у Всемилостивѣйшаго Государя Императора освобожденія изъ моей неволи, которая весьма уже повредила состояніе моего здоровья. Я открываюсь Вамъ, Сіятельнѣйшій Графъ, какъ передъ Богомъ, что продолженіе теперешняго моего положенія совсѣмъ ввергнетъ меня въ болѣзненное состояніе, котораго нельзя будетъ поправить!—Сдѣлайте милость, Ваше Сіятельство, войдите со всеподданнѣйшимъ докладомъ обо мнѣ къ Его Величеству и испросите мнѣ по крайней мѣрѣ удобнѣйшее для содержанія себя мѣстопробываніе, дабы я могъ поправить свое здоровье, освободясь отъ сего заключенія. Прошу позволить мнѣ жить въ С. Петербургской Губерніи—въ такомъ уѣздѣ, или уѣздомъ городѣ, какой окажется для меня удобнѣйшимъ. По выгодному для меня мѣстоположенію, желалъ бы я жить въ Ораніенбаумѣ. Впрочемъ, если я могу осчастливленъ быть полною свободою, по милосердію Его Величества, великодушнѣйшаго Монарха: то

тѣмъ болѣе буду я чувствовать сіе истинное благодѣяніе и тѣмъ живѣйшую буду питать въ сердцѣ моемъ благодарность Вашему Сіятельству за исходатайствованіе онаго. Не въ силахъ я изобразить чувствованій любви моей и чистѣйшихъ желаній моихъ для Вашего Сіятельства. Да изяснитъ Вамъ сердце Ваше сіи чувствованія. Не сомнѣваясь нисколько въ благодѣлительнѣйшемъ расположеніи сердца Вашего, я утѣшаю себя въ скорби моей пріятною надеждою, что Ваше Сіятельство не отвергнетъ сей послѣдней моей просьбы.

Съ глубочайшимъ почитаніемъ и неограниченною преданностію имѣю честь пребыть навсегда, Сіятельнѣйшій Графъ, Милостивый Государь, Вашего Сіятельства всепокорнѣйшимъ слугою.

Мартынъ Пилецкій.

7 Августа 1840.

Городъ Суздаль. Спасо-Евфиміевъ монастырь.

14.

Ему же.

28 Декабря № 10383.

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь.

Наступающіе праздники Рождества Христова и близость къ намъ Новаго года—оба сіи важныя событія побуждаютъ меня писать къ Вашему Сіятельству, дабы имѣть честь и душевное удовольствіе поздравить Васъ, какъ со всерадостнымъ днемъ, въ который исповѣдующіе православную вѣру всѣ единомысленно утѣшаютъ празднованіемъ рожденія Спасителя міра, Господа нашего Иисуса Христа, такъ и съ началомъ Новаго года, въ которомъ всѣ чають получить отъ Него новыя милости и благодѣянія. При семъ торжественномъ случаѣ примите благосклонно, Сіятельнѣйшій Графъ, также искреннѣйшее мое желаніе Вамъ наивожделѣннѣйшихъ благъ и всегдашняго здоровья и помощи Божіей,—да продолжаютъ благоуспѣшно полезныя труды Ваши по службѣ, да изліются Вами новыя благотворенія и на страждущихъ въ заключеніи, ожидающихъ отъ Васъ челоуѣколюбиваго за нихъ представительства. Въ послѣднемъ письмѣ моемъ къ Вашему Сіятельству (отъ седмого Августа сего года) просилъ я убѣдительнѣйшимъ образомъ о моемъ освобожденіи; но не знаю достигло ли сіе

письмо своего назначенія. Г-нъ Настоятель здѣшняго монастыря, Отецъ *Архимандритъ Лаврентій*, оказываетъ себя сострадательнымъ ко мнѣ. Онъ *утпѣшаетъ меня упрециемъ, что скоро получу я свободу*,—основываетъ сію надежду, вѣроятно, на томъ, что находитъ во мнѣ правовѣрное исповѣданіе, согласное съ православною нашею Церковью, запечатлѣнное впрочемъ и неоднократнымъ приобщеніемъ меня здѣсь Святыхъ Христовыхъ Тайнъ.

Возрите, Сіятельнѣйшій Графъ, съ кроткою благоволительностію, свойственною душѣ Вашей, на вышеозначенное всенижайшее мое прошеніе о дарованіи мнѣ свободы!—Благоволите исходатайствовать оную у Его Величества Всемилостивѣйшаго Государя Императора, Августѣйшаго нашего Монарха.

Съ глубочайшимъ почитаніемъ и неограниченною преданностію имѣю честь пребыть навсегда, Сіятельнѣйшій Графъ, Милостивый Государь, Вашего Сіятельства всепокорнѣйшимъ слугою

Мартинъ Пилецкій.

Спасо-Евфиміевъ монастырь.

21 Декабря 1840 г.

15.

Ему же.

29 Марта. № 2566.

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь.

Поздравляя Ваше Сіятельство съ праздникомъ Воскресенія изъ мертвыхъ Спасителя и Господа нашего Иисуса Христа—праздникомъ великимъ, пресвѣтлымъ и всерадостнымъ для спасеннаго Имъ человечества, я совершаю симъ пріятнѣйшій долгъ любви и достодожнаго душевнаго моего уваженія къ Вашему Сіятельству. Въ моемъ печальномъ положеніи не имѣю я ни единого ходатая: Вы одни, Сіятельнѣйшій Графъ, имѣете возможность ходатайствовать о мнѣ у Его Величества Государя Императора, чтобы освободить меня изъ грустной мѣстности, въ которой я нахожусь, строго заключеннымъ, уже четыре года. Во всю жизнь мою буду я помнить съ живѣйшею признательностію сіе благодѣяніе Ваше. Упованіе мое на сію незабвенную милость Его Величества утверждается на томъ, что я люблю Православную Грековосточную Церковь, любзяю всѣ ея установленія и Тайинства,

люблю всѣмъ сердцемъ мудраго, великодушнаго нашего Монарха, почитаю начальственные власти. Что касается до тѣхъ молитвенныхъ собраний, за посѣщеніе коихъ подвергся я наказанію, (состоявшихъ впрочемъ изъ весьма немногихъ особъ); то я почелъ долгомъ моей совѣсти открыть въ письменныхъ объясненіяхъ моихъ, какъ передъ Богомъ, въ чемъ именно они состояли, и сказалъ только то, что я видѣлъ, слышалъ и чувствовалъ въ оныхъ. Нынѣ, по случаю Высочайшаго торжества Его Высочества Государя Наслѣдника, преклоняю колѣна предъ Августѣйшею Особою Его Величества Всемиловитѣйшаго Государя Императора и прошу всеподданѣйше даровать мнѣ свободу—столь нужную для поправленія моего здоровья, повреждающагося отъ заключенной жизни.

Съ глубочайшимъ почитаніемъ и неограниченною преданностію имѣю честь пребыть навсегда, Сіятельнѣйшій Графъ, Милостивый Государь, Вашего Сіятельства всепокорнѣйшимъ слугою

Мартинъ Пилецкій

Спасо-Евфиміевъ монастырь.

22 Марта 1841 г.

Р. S. Последнее мое письмо передъ симъ къ Вашему Сіятельству было отъ 21 Декабря 1840 года.

16.

Къму же.

28 Апрѣля. № 3422.

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь.

Чувствуя въ себѣ умножающуюся слабость здоровья и внутренніе припадки, отъ которыхъ должны произойти тяжкія болѣзни, случившіяся со мною здѣсь уже неоднократно, я вновь обращаюсь къ благодѣтельнѣйшему сердцу Вашего Сіятельства съ наиболѣе чувствительнѣйшею просьбою о исходатайствованіи мнѣ, особеннымъ, непосредственнымъ представительствомъ Вашимъ у Великодушнѣйшаго Монарха, Его Величества Государя Императора, освобожденія изъ продолжительной моей неволи. Прошу всеподданнѣйше и колѣнопреклонно Всемиловитѣйшаго Государя Императора простить мнѣ всѣ вины мои изъ

единого Монаршаго великодушія и милосердія, и даровать мнѣ свободу ради торжественныхъ дней бракосочетанія Его Высочества Государя Наслѣдника Всероссійскаго Престола. Прошу и Ваше Сіятельство простить мнѣ, если я, неопытною, простосердечною ревностію моею, причинилъ Вамъ безпокойство и неудовольствіе. Повѣрьте, Сіятельвѣйшій Графъ, что для поправленія моего здоровья, при старости лѣтъ моихъ, необходимы для меня перемѣна мѣста, свободное состояніе и врачебныя пособія. Удостойте, Ваше Сіятельство, сіе прошеніе мое всеподданнѣйшаго доклада, оно запечатлѣно глубокою сердечною скорбію и слезами! Осчастливьте меня симъ незабвеннымъ благодареніемъ. Признательность моя за сіе милосердіе будетъ безпредѣльна и не угаснетъ во мнѣ во всю мою жизнь.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и неограниченною преданностію имѣю счастье пребыть навсегда, Сіятельнѣйшій Графъ, Милостивый Государь, Вашего Сіятельства всепокорнѣйшій слуга

Мартинъ Пилецкій.

Спасо-Евфиміевъ монастырь.

16 Апрѣля 1841 г.

17.

Ему же.

1 Юня. № 4544.

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь.

Чаяніе мое на милостивое прощеніе и освобожденіе меня изъ мѣста заключенія по Высочайшему Манифесту, состоявшему въ 16-й день Апрѣля сего года, по сіе время не исполняется, и я опасаюсь остаться забвеннымъ! Сдѣлайте милость Ваше Сіятельство, благоволите вручить Его Величеству Всемилоствивѣйшему Государю Императору приложенное здѣсь всеподданнѣйшее мое прошеніе о дарованіи мнѣ прощенія и свободы, и попросите Его Сіятельство Графа Александра Христофоровича Бенкендорфа, чтобъ онъ употребилъ въ мою пользу благотворное свое представительство у Великодушнаго Монарха; о чемъ прошу я его въ прилагаемомъ здѣсь письмѣ, которое не хотѣлъ я послать особо по почтѣ безъ воли Вашего Сіятельства; но я того мнѣ-

нiя, что это не противно благодѣтельному Вашему сердцу. Осчастливьте меня милостiю Вашею!

Съ глубочайшимъ почитанiемъ и неограниченною преданностию имѣю честь пребыть навсегда, Вашего Сiятельства, всепокорнѣйшiй и всенижайшiй слуга

Мартинъ Пилецкiй.

Суздаль. Спасо-Евфимiевъ монастырь.

24 Мая 1841 г.

P. S. Не имѣю ни малѣйшаго удостовѣренiя, дошли-ли до рукъ Вашего Сiятельства письма мои: отъ 7 Августа и 21 Декабря 1840-го и отъ 21 Марта и 16 Апрѣля сего 1841 года.

Копiя.

На подлинномъ рукою Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора написано: „Доложено Его Императорскому Величеству въ Петергофѣ 10 Юня 1841 года. Государь Императоръ Высочайше разрѣшить соизволилъ освободить Пилецкаго изъ монастыря, по предварительномъ истребованiи отъ него обязательства въ повиновенiи Православной Церкви и обѣщанiя, что онъ нигдѣ не будетъ распространять ученiе Г-жи Татариновой, и съ оставленiемъ его на жительство въ одномъ изъ городовъ Костромской Губернiи, подъ секретнымъ надзоромъ мѣстнаго Духовнаго и Гражданскаго Начальства и сверхъ того съ подтвержденiемъ, что ежели вновь будетъ замѣченъ въ сектаторствѣ, то за сiе подвергнется строжайшему заключенiю навсегда.“

Гр. Протасовъ.

Всемиловѣннѣйшiй Государь!

Въ Маѣ 1837 года сосланъ я въ Суздальскiй Спасо-Евфимiевъ монастырь подъ строгiй арестъ, за посѣщенiе, въ противность Высочайшей воли Вашего Величества, молитвенныхъ собранiй, бывшихъ у Сгатской Совѣтницы Татариновой. и уже четыре года страдаю здѣсь въ арестантскомъ зданiи.

Повергая себя къ освященнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнiя и смиренiя, прошу всеподданнѣйше осчастливить меня благотворнымъ дѣйствиемъ Высочайшаго премилостиваго Манифеста, изливащаго радость и утѣ-

шеніе въ сердца многочисленныхъ виновныхъ, въ 16 день Апрѣля сего года—день Высочайшаго торжества вселюбивѣйшаго Вашего Сына, Его Высочества Великаго Князя, Государя Наслѣдника, Цесаревича Александра Николаевича, дабы я могъ остатокъ дней моихъ, уже преклонныхъ, провести въ мирномъ свободномъ состояніи и укрѣпить надлежащими врачебными пособіями свое здоровье, подвергающееся здѣсь тяжкимъ припадкамъ отъ заключенной жизни. За сію драгоценную милость всегда буду превозносить Монаршее великодушіе и Отеческое милосердіе Вашего Величества.

Всемиловитѣйшій Государь, Вашего Императорскаго Величества
вѣрноподданнѣйшій

Мартинъ Пилецкій.

Мая 24 дня 1841 г.

18.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь.

Благотвореніе есть сладостная пища кроткой души Вашей. Не одинъ я говорю это; но это мнѣніе общее. Близость Вашего Сіятельства къ Монаршей Особѣ Его Величества Государя Императора—и не только къ Августѣйшему Лицу, но и сердцу Цареву—сія близость и всегдашній доступъ къ Его Величеству даютъ благодѣтельнѣйшему сердцу Вашему полную свободу распространять неограниченно кругъ благотворныхъ дѣйствій Вашихъ и подавать помощь страждущимъ. Вамъ, Сіятельнѣйшій Графъ, безъ сомнѣнія, извѣстно мое положеніе. Уже минуло четыре года, что я страдаю въ строгомъ заключеніи, подвергшись оному за посѣщеніе бывшихъ у Г-жи Статской Совѣтницы Татариновой молитвенныхъ собраній, въ противность Высочайшей воли. Аттестация о мнѣ мѣстнаго духовнаго Начальства должна быть одобрительна. Сверхъ того и Высочайшій милостивый Манифестъ, состоявшійся въ 16-ый день Апрѣля сего года, даетъ прощеніе многимъ виновнымъ: ибо кого и прощать, какъ не виновныхъ.—Войдите, Сіятельнѣйшій Графъ, въ печальное мое положеніе и приклоните благодѣтельнѣйшее вниманіе Ваше къ смиренной моей просьбѣ: благоволите употребить милостивое, дѣйственное ходатайство Ваше у Его Величества, великодушнѣйшаго Монарха, *о дарованіи мнѣ прощенія и свободы; о чемъ нынѣ же посылаю я и всеподданнѣйшее прошеніе къ*

Его Сіятельству *Графу* Николаю Александровичу *Протасову*: Осчастливьте меня симъ незабвеннымъ благодѣяніемъ, за которое желалъ бы я излить безпредѣльную мою признательность живыми словами лично передъ Вашимъ Сіятельствомъ. Истомилась душа моя, очень повредилось и здоровье отъ долговременной заключенной жизни въ сей скучной и вредной мѣстности!—Всемиловѣйшій Государь Императоръ вѣрно удостоитъ Высочайшаго Своего вниманія благодѣтельнѣйшее Ваше ходатайство.

Съ глубочайшимъ почитаніемъ и безпредѣльною преданностію имѣю счастье пребыть навсегда, Сіятельнѣйшій Графъ, Милостивый Государь, Вашего Сіятельства всепокорнѣйшій слуга

Мартинъ Пилецкій.

Суздаль. Спасо-Евфиміевъ монастырь.

24 Мая 1841 г.

По объявленной мнѣ Высочайшей на мое всеподданнѣйшее прошеніе резолюціи, что Его Императорское Величество соизволяетъ на освобожденіе меня изъ монастыря для жительства въ одномъ изъ городовъ Костромской Епархіи, по предварительному съ моей стороны обстоятельству (sic) въ неизмѣнномъ повиновеніи Святой Православной Церкви, къ коей принадлежу, симъ добровольно и непринужденно объявляю, по чистой совѣсти, что признаю Святую Соборную и Апостольскую Церковь единственной вѣрною хранительницею истиннаго ученія Христова, обязуюсь всегдашнимъ и неизмѣннымъ повиновеніемъ ея Святымъ Уставамъ, какъ непреложнымъ изрѣченіемъ Святаго Духа, обещаю не входить ни въ какія Православную Церковью неблагословенныя общества, нигдѣ ни подъ какимъ видомъ не буду исполнять ихъ обрядовъ, не буду ни тайно, ни явно распространять ихъ ученія, съ тѣмъ, что если и послѣ оказываемаго мнѣ нынѣ Монаршаго милосердія буду замѣченъ и изболченъ въ сектаторствѣ, то подвергаю себя за сіе строжайшему заключенію навсегда. 12 Августа 1841 года. Къ сему обязательству руку приложилъ отставной Статскій Совѣтникъ и кавалеръ Мартинъ Пилецкій.

На присланное изъ Владимірской Духовной Консисторіи на имя Суздальскаго Спасо-Евфиміева монастыря, господина Архимандрита Лаврентія, отъ 19 Августа сего года за № 77-мъ, предписаніе о непремѣнномъ истребованіи отъ меня обязательства по присланной формѣ, предложенной къ подписанію по случаю Высочайше даруемаго мнѣ освобожденія, долгомъ поставляю симъ объяснить, что по причинѣ

даннаго уже мною и полученнаго отъ меня Его Высокопреосвященствомъ господиномъ Владимірскимъ Архіепископомъ Пареніемъ, 12-го числа сего мѣсяца, обязательства, написаннаго и подписаннаго моею рукою, генерально объ отверженіи мною всякаго сектаторства, не могу я дать никакого другого, тѣмъ болѣе, что точно такое же генеральное обязательство уже отправлено, 13-го числа сего Августа, въ письмѣ моемъ къ Его Сіятельству Господину Синодальному Оберъ-Прокурору и кавалеру для представленія онаго *высшему* Начальству.— Августа 19-го дня 1841-го года. Къ сему объясненію руку приложилъ отставной Статскій Совѣтникъ и кавалеръ

Мартинъ Пилецкій.

№ 68-й. 20 Августа 1841 года.

Секретно.

19 Октября № 9142.

19.

Графу Н. А. Протасову.

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь.

Нынѣ болѣе нежели когда долженъ я утруждать Ваше Сіятельство всеусерднѣйшею просьбой объ оказаніи мнѣ благодѣтельнѣйшей помощи!—Въ затруднительномъ обстоятельстве всепокорнѣйше прошу, чтобы *обязательство* мое, отъ 12 Августа сего года, было представлено на Высочайшее усмотрѣніе Его Императорскаго Величества *совокупно* и *подлинниками* съ объяснительнымъ моимъ *пополненіемъ* онаго, отъ 8 числа сего Октября, которое прилагаю при семъ въ копии. Уповаю, что Самъ великодушный Монархъ будетъ тогда милостивымъ разрѣшителемъ узъ моего заключенія, въ которомъ я томлюсь уже столь долговременно. Я не могу иначе поступать въ моемъ дѣлѣ, какъ искренно, согласно съ моею совѣстію и съ страхомъ Господнимъ. Если-бъ я былъ обманщикъ или легкомысленный, и имѣлъ бы въ виду только себя, я тотчасъ бы согласился на все, чтобы только получить желаемую свободу. Но чего долженъ я ожидать на судъ Господнемъ, если поступлю не по совѣсти, въ которой ясно изображается истина. Осмѣливаюсь просить еще и той милости, чтобы мнѣ объявлена была послѣдняя Высочайшая резолюція Его Величества каса-

тельно моего освобожденія. Все повергаю на Промысль Всемогущаго Бога, Спасителя и Господа нашего Иисуса Христа.

Съ глубочайшимъ почитаніемъ, неизмѣнною любовію и неограниченною преданностію имѣю честь пребыть навсегда, Сіятельнѣйшій Графъ, Милостивый Государь, Вашего Сіятельства всепокорнѣйшимъ слугою

Мартинъ Пилецкій.

8 Октября 1841 года.

Секретно.

Копія съ объясненія Статскаго Совѣтника Пилецкаго, даннаго имъ по требованію Владимірской Духовной Консистеріи.

Вслѣдствіе объявленнаго мнѣ Указа, отъ 30 Сентября сего года за № 81, Владимірской Духовной Консистеріи, въ дополненіе къ данному мною 12 Августа сего же года обязательству, съ достодолжнымъ смиреніемъ осмѣливаюсь объяснить, что причина, воспрепятствовавшая мнѣ дать обязательство совсѣмъ буквально по составленной формѣ, есть та, что совѣсть моя возбраняетъ мнѣ называть *сектою* бывшія у Госпожи Татариновой молитвенныя собранія, потому что въ оныхъ прославлялся, съ истинною вѣрою и любовію, Господь нашъ Иисусъ Христосъ, и что какъ сама она, такъ и всѣ посѣщавшія оныя, вполнѣ исповѣдывали православіе любезной сердцу моему Грековосточной Церкви. Секта отдѣляетъ отъ православной Церкви, а тѣ собранія не отдѣляютъ отъ оной. Благоговѣйныя, истинныя чувствованія мои объ оныхъ, и свѣдѣнія, въ чемъ именно они состояли, имѣлъ я счастье изъяснить Его Величеству во всеподданнѣйшихъ моихъ письмахъ, и въ письмахъ къ Его Сіятельству Господину Синодальному Оберъ-Прокурору—единственно въ оправданіе мое, что я посѣщалъ собранія благочестивыя, совершенно невинныя. Сіи чувствованія прористекли отъ любви къ истинѣ. Но я обѣщаю хранить ихъ въ сердцѣ моемъ, только для себя, для моего вѣдѣнія, а не для другихъ. Что же касается до наружности или обрядовъ вышеупомянутыхъ собраній; то я давно уже писалъ, что не буду употреблять оныхъ въ противность Высочайшей воли. Противныя только дѣйствія, а не чувствованія или мысли мои, могутъ сдѣлать меня виновнымъ предъ начальствомъ, по освобожденіи меня отъ заключенія, когда я почитаю православную Церковь и законныя власти. Симъ обѣщаніемъ моимъ удовлетворительно пополняется, какъ требуемое, такъ и данное мною 12 числа Августа текущаго года обязательство, и я смѣю уповать, что это не противно Высочайшей резолюціи и милосердому Монаршему изреченію Его Величества о дарованіи мнѣ свободы.

Статскій Совѣтникъ Мартинъ Пилецкій,

20.

Ему же.

6 Декабря. № 10753.

Сіятельныйшій Графъ,

Милостивый Государь.

Почти четыре года пользовался я здѣсь въ моемъ заключеніи услугою, для которой приставленъ былъ ко мнѣ изъ Суздальской Инвалидной команды рядовой. Но нынѣ новый офицеръ сей команды, смѣняя моего служителя другимъ, настоятельно требуетъ, чтобъ онъ исправлялъ притомъ и другія работы въ зданіи арестантскомъ, утверждая, что не слѣдуетъ мнѣ имѣть особаго служителя. Позвольте, Сіятельныйшій Графъ, изъяснить Вамъ всепокорнѣйшую мою просьбу, дабы чрезъ сношеніе Ваше съ кѣмъ слѣдуетъ данъ былъ собственно для меня особый годный для прислуги хорошаго поведенія инвалидъ. По весьма слабому здоровью мнѣ нужна почти безпрестанная помощь. На сихъ дняхъ чувствовалъ я себя столь слабымъ, что былъ исповѣданъ и приобщенъ Святыхъ Таинъ въ моей комнатѣ. Служитель нуженъ мнѣ безотлучный, умѣющій даже изготовить простенькое кушанье. Здѣсь находился подъ арестомъ чиновникъ (Г. Константиновъ), и онъ имѣлъ особаго служителя изъ инвалидовъ. Мѣсто здѣсь нездоровое; воды даже нѣтъ, рѣчка такъ мелководна и мутна, а колодезная не здорова, особенно для больныхъ: оттого употребляемъ здѣсь снѣжную или дождевую воду. Въ мою бытность умерли изъ здѣшнихъ (не многихъ) арестантовъ четыре человекъ—три протопопа и одинъ изъ простыхъ людей. Нѣтъ ни гошпитальной комнаты, ни пища для больного. Удивительно, что лишаютъ меня свободы, тогда какъ я удовлетворилъ вполне требованному отъ меня обязательству! Это значитъ сократить мою жизнь. Я христіанинъ; вполне вѣренъ Православной нашей Церкви, повинуюсь властямъ; люблю всею душою Государя; жилъ всегда мирно и уединенно; сказалъ только то, что я видѣлъ, слышалъ и чувствовалъ въ домашнихъ молитвенныхъ собраніяхъ, не отлучающихся отъ Церкви и состоявшихъ изъ какихъ-нибудь четырехъ, пяти особъ и дѣтей; за что же такъ строго поступаютъ со мною, особенно по изреченіи мнѣ Самимъ Монархомъ прощенія и свободы. Спаситель мой Иисусъ Христосъ—единая моя защита: Онъ покровитель вдовъ и сиротъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь пребыть. Сіятельныйшій Графъ, Милостивый Государь, Вашего Сіятельства всепокорнѣйшимъ слугою

Мартынъ Пилецкій.

Суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь.

29 Ноября 1841.

21.

Ему же.

1 Января. № 132/48.

Сіяте́льнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь.

Состояніе здоровья моего со дня на день все болѣе портится отъ арестантской безпомощной, заключенной жизни. Отъ изнеможенія силъ едва могу писать. Пищи потребной для больного взять негдѣ; держать, какъ величайшаго преступника; комнатки угарныя; удобностей для больного нѣтъ: положеніе мое самое отчаянное. Далъ я письменныя отъ себя обѣщанія жить на волѣ совсѣмъ безмолвно подъ надзоромъ гражданскаго начальства; но за всѣмъ тѣмъ томятъ меня въ неволѣ арестантской!¹⁾ Сдѣлайте милость, Сіяте́льнѣйшій Графъ, употребите милосердное ходатайство Ваше о мнѣ у его Величества Государя Императора, дабы мнѣ позволено было вытти изъ сего отвратительнаго, убійственнаго для меня заключенія и пожить въ Москвѣ или въ губернскомъ городѣ для поправленія совсѣмъ разстроившагося моего здоровья. Прошу Ваше Сіятельство донести о горестномъ моемъ положеніи Его Величеству, великодушному Монарху—прошу осчастливить меня этимъ милосердіемъ Вашимъ, не по званію Оберъ-Прокурора, но какъ ходатайственнаго посредника между мною, угнетеннымъ узникомъ, и Его Величествомъ. Попросите отъ меня и ихъ Высокопреосвященствъ, дабы они явили на мнѣ отеческое архипастырское свое милосердіе: вѣдь я христіанинъ и нисколько не отлучаюсь отъ православной нашей Церкви. Сколько буду я благодаренъ Вамъ, Сіяте́льнѣйшій Графъ, за испрашиваемое мною благодѣяніе, не могу изъяснить того никакими словами.—Изъ бумагъ моихъ видите мою неопытность; но видите и чистоту искреннихъ моихъ чувствованій.—Пожалѣйте первую, уважьте послѣднія, и вѣрьте, что любовь моя къ Вамъ и истинное доброжелательство всегда останутся неизмѣнными.

Съ глубочайшимъ почитаніемъ и совершенною преданностью имѣю честь пребыть навсегда, Сіяте́льнѣйшій Графъ, Милостивый сударь, Вашего Сіятельства всепокорнѣйшимъ слугою

Мартинъ Пилецкій

20 Декабря 1841 года.

¹⁾ Если я, получивъ свободу, окажусь нарушителемъ даннаго мною обязательства, тогда только долженъ я подвергнуться наказанію заключенія.

22.

Ему же.

19 Апрель. № 3563/860.

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь.

Не въ силахъ я изобразить чувствованіе моей благодарности за освобожденіе меня изъ заключенія. Жаль только, что по весьма разслабленному болѣзненному моему состоянію невозможно мнѣ теперь воспользоваться симъ благодѣяніемъ. Я и теперь не схожу съ постели, не могу ходить и ожидаю помощи единственно отъ Господа. По сему обстоятельству здѣшнее начальство уважило мою просьбу, чтобы оставаться мнѣ здѣсь въ монастырѣ, не перемѣщая меня никуда, до моего выздоровленія, за что я много благодаренъ. Долгомъ моимъ почитаю донести о семъ Вашему Сіятельству.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и неограниченною преданностію имѣю честь пребыть, Сіятельнѣйшій Графъ, Милостивый Государь, Вашего Сіятельства всепокорнѣйшимъ слугою

Мартинъ Пилецкій

7 Апрель 1842 года.

23.

Ему же.

29 Май. № 4678.

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь.

Уже седьмой мѣсяць, какъ я лежу въ постели въ тяжелой моей болѣзни, такъ, что силы мои истощились; ходить не могу, тѣмъ менѣе отправиться въ назначенный мнѣ путь. Лѣчитъ меня здѣсь некому: единственный здѣсь уѣздный лѣкарь чрезвычайно занятъ и часто отлучается отсюда по двумъ уѣздамъ, ввѣреннымъ врачуебному его попеченію. Городъ Галичъ, гдѣ назначено мнѣ жить больному, представляетъ тѣ же недостатки къ моему излѣченію, какъ и Суздаль. Посему осмѣливаюсь испрашивать Высочайшаго Монаршаго позволенія, посредствомъ благодѣтельнѣйшаго ходатайства Вашего, пожить мнѣ

нѣсколько времени въ Москвѣ, гдѣ я могу пользоваться пособіями искусныхъ врачей, особенно минеральными водами. Какъ-нибудь довели бы меня туда больного. Если же болѣзнь моя не позволитъ мнѣ отправиться въ путь, прошу оставить меня на время въ теперешнемъ моемъ мѣстѣ, пока я буду въ силахъ пуститься въ дорогу. Не оставьте, Сіятельныйшій Графъ, сей покорнѣйшей просьбы моей и благоволите исходатайствовать мнѣ вышеизъясненную Монаршую милость, чѣмъ окажите мнѣ, изнеможенному отъ болѣзни, великое благодѣяніе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и неограниченною преданностію имѣю честь пребыть навсегда, Сіятельныйшій Графъ, Милостивый Государь, Вашего Сіятельства всепокорнѣйшимъ слугою

Мартынъ Пилецкій.

Суздаль. 23 Мая 1842 года.

24.

Ему же.

2 Января № 800.

Сіятельныйшій Графъ,

Милостивый Государь.

Что я освобожденъ изъ крѣпости Спасо-Евѣиміева монастыря, симъ благодѣяніемъ осчастливленъ я милостивою помощію Вашего Сіятельства. Нынѣ побуждаюсь испрашивать новаго благодѣянія, отъ котораго зависитъ покой, столь для меня нужный, въ преклонныхъ моихъ лѣтахъ и при слабомъ здоровьи. Я прошу нынѣ Его Сіятельство Графа Алексѣя Ѳедоровича Орлова о исходатайствованіи мнѣ у Его Величества полной гражданской свободы и дозволенія жить въ С.-Петербургѣ, гдѣ могу я пользоваться лучшими врачебными способами и родственною помощію жительствующей тамъ, съ многочисленнымъ семействомъ, сестры моей (Генеральши Глуховой), которая давно оплакиваетъ прискорбную со мною разлуку. Мѣстные Начальства, подъ надзоромъ коихъ нахожусь я здѣсь въ Костромѣ уже два года съ половиною сдѣлали о мнѣ, по всей вѣроятности, самыя выгодныя для сего представленія. Въ семъ важномъ для меня обстоятельстве осмѣливаюсь прибѣгнуть къ благо-расположенному Вашему сердцу и просить необходимѣйшаго содѣйствія Вашего для исходатайствованія мнѣ вышеизъясненной милости. Не откажите мнѣ, Сіятельныйшій Графъ, въ сей покорнѣйшей моей просьбѣ, доставьте мнѣ истинное удовольствіе изъявить Вамъ лично, живыми

словами, благодарныя, искреннѣйшія мои чувствованія, которыхъ не въ состояніи изъяснить перомъ заочно.

Съ глубочайшимъ почитаніемъ, неограниченною преданностію и истинною признательностію имѣю честь пребыть навсегда, Сіятельнѣйшій Графъ, Милостивый Государь, Вашего Сіятельства всепокорнѣйшимъ слугою

Мартынъ Пилецкій.

Городъ Кострома. Января 1845 года.

Нынѣ увѣдомленъ, что здѣшній гражданскій губернаторъ сдѣлалъ весьма лестное для меня представленіе Г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ, съ препровожденіемъ къ нему и просьбы моей о дозволеніи мнѣ жить въ С.-Петербургѣ.

25.

Ему же.

10 Мая. № 11968/1181.

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь.

Болѣе пяти лѣтъ страдалъ я подъ арестомъ въ монастырѣ; живу уже четыре года подъ надзоромъ, и въ городѣ Костромѣ. Всѣ здѣшнія начальства засвидѣтельствуютъ о неуклонности моей отъ православной нашей Церкви, о повиновеніи моемъ властямъ и начальствамъ и о безпорочности моей жизни. Позвольте, Сіятельнѣйшій Графъ, опять прибѣгнуть къ благодѣтельнѣйшей Вашей помощи и просить всепокорнѣйше о исходатайствованіи мнѣ у Августѣйшаго Монарха милостиваго освобожденія отъ надзора съ дозволеніемъ мнѣ жить и въ СанктъПетербургѣ. Нужно бы пожить нѣсколько времени хоть въ Москвѣ, чтобы укрѣпить тамъ разслабленное свое здоровье, особенно минеральными водами. Не послужитъ ли выгодною для меня аттестаціею письмо Преосвященнаго Владиміра, бывшаго въ мое время Костромскимъ епископомъ, которое онъ написалъ ко мнѣ изъ Тобольска. На сей случай имѣю честь препроводить сіе письмо его подлиннымъ, съ его на конвертѣ адресомъ, за его печатью, на благоусмотрѣніе Вашего Сіятельства. Сей всенародно здѣсь любимый Архипастыръ много меня испытывалъ. Не откажите мнѣ въ просьбѣ моей. Ваше Сіятельство! Избавьте меня отъ угнетеннаго поднадзорнаго состоянія. Совершенно понимаю, что счастливый успѣхъ оной зависить отъ милостиваго Вашего доклада.

Какъ же мнѣ не цѣнить Ваше ходатайство! Вамъ извѣстно Ваше Сіятельство, что на представленіе о мнѣ въ минувшемъ году здѣшняго гражданскаго Губернатора и на собственные мои просьбы не послѣдовало всеподданѣйшаго доклада: отзывъ былъ общій—что не осмѣливаются доложить о семъ Его Величеству. По причинѣ сего затрудненія и почель нужнымъ подать отъ себя прошеніе на Высочайшее Имя. Нѣтъ сомнѣнія, что оно передано, для доклада, къ Вашему Сіятельству, тогда удобнѣе Вашему Сіятельству ходатайствовать о вышеиспрашиваемомъ мною благодѣяніи.

Сіятельнѣйшій Графъ! доставьте мнѣ сердечное удовольствіе провести остатокъ немногихъ дней моихъ въ Петербургѣ, гдѣ протекли почти пятьдесятъ лѣтъ моей жизни.—Не умѣя убѣдительнѣе изъяснить моей просьбы, я передаю себя совершенно милосердному попеченію Бога Спасителя нашего. Оно можетъ расположить въ пользу мою сердце Ваше и сердце Его Величества.

Съ глубочайшимъ почитаніемъ и неограниченною преданностію навсегда пребуду, Сіятельнѣйшій Графъ, Милостивый Государь, Вашего Сіятельства, всепокорнѣйшимъ слугою

Мартынъ Пилецкій.

Городъ Кострома. 30 Апрѣля 1846 года.

Получено 18 Іюня 1843.

Возлюбленный о Господь,

Мартынъ Степановичъ!

За любвеобильное и благочестивое писаніе Ваше приношу усерднѣйшую благодарность. Весьма жалѣю, что немного времени я пользовался пріятными и назидательными бесѣдами вашими и что не могу продолжить ихъ съ Вами лицомъ къ лицу. Очень радуюсь, что при всемъ изнеможеніи брэнной плотской храмины Вашей Духъ Господень согрѣваетъ Васъ и внутренній человекъ Вашъ постепенно возрастаетъ въ Васъ отъ силы въ силу. Да! Вы пишете справедливо: вездѣ Господь, вездѣ есть избранные Его. Счастливъ, кто умѣетъ распознавать гласъ Господень и въ самой, повидимому, дикой пустынь. И въ Тобольскѣ есть люди, съ которыми не скучно проводить время, и которые также двинуты духомъ Господнимъ. Аще око твое чисто; то и все тѣло будетъ свѣтло. Прежде научиться должно самому быть хорошимъ: тогда и прочіе для насъ будутъ хороши.

Послѣ 1-го Іюня я намѣреваюсь отправиться въ путь по Епархіи. Помолитесь, чтобы Господь подкрѣпилъ мои силы.

Призывая на Васъ Божіе благословеніе, прошу засвидѣтельствовать мое усердное почитаніе Ивану Петровичу.

Много и о многомъ бы хотѣлъ бесѣдовать съ Вами: но *письма убивающее* не дозволяетъ сего сдѣлать. Не могу Васъ обязывать къ продолженію пріятнѣйшей для меня бесѣды Вашей: но всякое письмо Ваше будетъ для меня подаркомъ.

Увѣдомляйте меня о состояніи Вашего духа и о томъ, что Господь по милосердію своему речетъ Вамъ о Васъ. Прошу молитвенной Вашей памяти. Благодать Господа Іисуса Христа да будетъ съ Вами! Вашъ покорный слуга

Владиміръ, Е. Тобольскій и Сибирскій.

4 Іюня 1843 г. Тобольскъ.

